

АЛЕКСЕЙ
МИХАЙЛОВ

ПРО
ВОД
НИК

ЗДЕСЬ НЕ МЕСТО ДРЕВНИМ БОГАМ

RED. Современная литература

Алексей Михайлов

Проводник

«ЭКСМО»

2022

Михайлов А. Е.

Проводник / А. Е. Михайлов — «Эксмо», 2022 — (RED.
Современная литература)

ISBN 978-5-04-171579-3

Илья – обычный провинциальный парень без особенных перспектив и выдающихся возможностей – оказывается втянутым в противостояние с древними богами. Неожиданно получив в наследство квартиру, он перебирается в областной центр, строит планы и знакомится с девушкой. Казалось бы, жизнь набирает нужную скорость, но что-то постоянно заставляет её спотыкаться. Странные люди. Загадки. Необъяснимые события. Слежка. Долгожданное счастье оборачивается настоящим безумием: девушку Ильи похищают, а сам он попадает в изолятор временного содержания. Выбравшись оттуда, главный герой пытается разобраться со всеми кошмарами, окружившими молодого человека со всех сторон... Комментарий Редакции: Необычный современный многопрофильный роман, который своими корнями восходит к еще более нетривиальным жанрам: постепенно сгущающиеся краски окончательно запутывают читателя, отбрасывая его то в актуальные реалии, то в непостижимые пространства.

ISBN 978-5-04-171579-3

© Михайлов А. Е., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Парень, пропитанный спиртным	5
Жокей, опившийся бурбона	11
Здесь вчерашний день	18
Новый слой краски	26
Шоколадный Иисус	33
Надеюсь, что не влюблюсь в тебя	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алексей Михайлов

Проводник

Парень, пропитанный спиртным

Когда я узнал, что Шура умерла, я даже как-то растерялся. Не понимал, как правильно реагировать. Я ведь ее и не знал толком. Мы встречались-то всего раза два-три. Не больше.

Помню, как она приезжала к нам в Судогду погостить. Я тогда еще мелким был. Класе в третьем учился. И в памяти у меня об этом мало, что отложилось. Какие-то обрывочные образы. Не помню, чтобы мы о чем-то с ней разговаривали. Помню, как Шура гостинцев привезла и на кухне их раздавала. Родителям – палку колбасы дефицитной и бутылку коньяка. Очень хорошо в память запало слово «коньяк». Нам, детям, – вафельных конфет и тортик. Брату с сестрой – что-то свое. Индивидуально. Но самый лучший подарок, складной перочинный нож с красной пластмассовой рукояткой, достался мне.

Этот нож на нашей улице, а может и во всей Судогде был самый крутой. Спинка широкая, гладкая. Когда мы в кораблики играли, я этот нож через раз на спинку клал, чтобы подложка получалась. А у неё ведь три жизни! А еще в нем было полно всяких штучек: и лезвие, и открывашка, и ложечка, и даже маленькие ножницы. Я этими ножницами как-то в клубе во время киносеанса подравнял волосы одного пацана, который передо мной сидел. Загораживал пол-экрана и двигаться не хотел. Дрались потом... Что это был за фильм, я уже и не помню. Индийский какой-то. А ножик я позже где-то посеял. Тоже не помню, где...

Еще раз с Шурой мы встречались уже перед армейкой. Когда я на сборный пункт приехал. Мы с матерью у нее ночевать останавливались. Я пьяный был после проводов. Здорово тогда гудели, всей улице спать не давали. Да ошиблись на день. Приехали раньше, чем нужно.

В итоге протрезвел я не на сборном пункте, как все хорошие люди, а у тети Шуры на квартире. А служить явился уже трезвый, как стеклышко. Хотя, признаюсь, был этому очень рад, потому что видел, как другие ребята подымают. Нас там сразу в оборот взяли, паркохозяйственный день устроили. Заставили из кубрика все кровати на улицу вытащить, с мылом отдраить всё: и кровати, и кубрик, а заодно взлётку и лестницу. А потом, конечно, нужно было вернуть кровати на место и восстановить порядок. Я тогда от такой армейской службы и по трезвому-то прозрел, не то, что другие, – с похмелья... И это еще только цветочки были.

Вот в принципе и все. Два раза помню. Ну еще она пару раз писала мне в учебку. Поддерживала меня, а то мне что-то там совсем кисло было. Короче, не знал я толком тети Шуры. Но, странное дело, мне почему-то казалось, что мы с ней очень похожи. И не только внешне. С этой стороны между нами действительно было очень большое сходство. Даже больше, чем между мной и отцом или братом. Они, конечно, тоже рыжие, но немного другие. Черты лица у них совсем не те – более открытые, какие-то солнечные. Лица круглые, глаза голубые и тоже круглые. Носы картошкой, волосы светло-рыжие, а веснушек почти нет. Антошки из мультика. Посмотришь на них, и сразу понятно – хорошие и жизнерадостные люди. Да так оно и есть.

А у нас с теткой – всё по-другому. Лица узкие, лоб покатый, а брови кустистые и прямо нависают над глазами, отчего кажется, что мы угрюмые или сердитые. Это ощущение усиливается и глубоко посаженными темно-зелеными глазами. Что еще? Большой нос с горбинкой, а подбородок, наоборот, маленький. Все лицо в веснушках. И густые выющиеся рыжие волосы. Такой вид вызывает недоверие. Кажется, что мы постоянно хмуримся или недоверчиво шуримся.

Подобная внешность, надо сказать, далека от идеала красоты. Но я-то хоть мужчина... И то с противоположным полом вообще не складывалось. Не очень-то хотели девки со мной

встречаться. Так, пара-тройка интрижек. И то по пьяни. Без обязательств и продолжений. Еще любовница у меня была – подруга сестры. Замужняя. Она меня старше лет на десять. Навсегда запомню наш первый поцелуй. Этот привкус, как будто облизываешь гильзу от калаша... А все из-за металлической коронки и пристрастия к папиросам. Хотя, я сейчас думаю, довольно насыщенная личная жизнь у меня была. Интересней, чем у некоторых.

А вот тетя Шура с такой внешностью вообще не очень привлекательная была как женщина. Что называется «на любителя». И такого любителя, кстати говоря, не нашлось. Поэтому, наверное, всю жизнь она одна и прожила. Ни мужа, ни детей.

Но, что я хочу сказать. Помимо внешности у нас с Шурой и внутренний склад был очень схожим. По крайней мере, мне так казалось. И, хотя мы с ней практически не общались, это ощущение было очень стойкое. Для этого хватило одного только небольшого разговора. Он произошел, когда мы останавливались у нее перед армейкой.

Мать тогда вымоталась, бегая со мной целый день. И спать легла. А я не мог уснуть. Днем дрых с бодуна. Плюс волнение. Все-таки назавтра в армию идти. Страшно! Тогда еще дедовщина была жуткая. И война. По телеку то и дело показывали трупы, обстрелы, засады, отрезанные головы...

Сижу, в общем, на кухне, курю, а на душе паршиво так. Прямо хоть в петлю лезь. И тут тетя Шура заходит, молча чайник ставит греться, а потом вдруг включает проигрыватель пластиночный. Я еще подумал: «Кто на кухне проигрыватель держит?», – а потом понял, что там ему самое место. У нее ведь и кухня, и зал – всё в одном помещении. Я тогда это оценил. Всё равно половину дня на кухне торчишь, почему бы не делать это на диване, да еще под качественную музыку?

Из пластинок Шура выбрала самую неожиданную – Тома Вейтса. Ума не приложу, откуда она ее откопала. Я тогда даже не знал, что такой музыкант есть. И музыку такую вообще ни разу не слышал. Она была ни на что не похожа. Особенно на то, что могут слушать русские женщины в таком возрасте... Сколько ей тогда, кстати, было? Наверное, ближе к шестидесяти. Бабуля уже. У них с отцом большая разница была.

Ну Том Вейтс зажег. В самое сердце тетка попала. Я вообще-то другую музыку любил – Кино, Сектор газа. И, может быть, при других обстоятельствах, я на Тома Вейтса вообще бы не повелся. Но той ночью, на кухне, в центре Владимира, в шести часах от кирзовых сапог и в тридцати километрах от дома, под чай и сигарету, под тоску и отчаяние, эта пластинка зашла на ура. Сразу как-то осознанно стало все вокруг. Музыка очень удачно заполнила пустоту.

Шура села рядом, также молча закурила, а когда чайник закипел, молча встала, заварив чай с мятой и налила мне чашку. Так мы сидели, курили, пили чай и молчали. Слушали музыку. Наверное, с полчаса. Так можно только с родственной душой молчать. Атмосфера не нарушилась даже, когда сторона у пластинки кончилась. Наоборот, стало все как-то еще более реально. Более осязаемо. За окном темно, с открытой форточки затягивает теплый июньский воздух с запахом только что прошедшего дождика, а с лампы растекается уютный желтый свет.

Тетя Шура пластинку перевернула и еще чая подлила. А потом спрашивает ни с того, ни с сего:

– Что, Илюшка, боишься?

– Боюсь, – отвечаю, а у самого руки затряслись.

– Не бойся, – говорит, – Господь не пошлет человеку сверх того, что он вытерпеть сможет.

Ничего с тобой не случится...

Мне эти слова глубоко в душу запали. Я много раз их потом вспоминал. У меня ведь ни ранения, ни царапины за всю службу. Только мозоли и синяки. От упражнений и дедушек наших. Да и то, сам виноват.

И Том Вейтс глубоко в сердце засел. Когда пластинка до «Меч-рыбы» дошла, я вообще успокоился. Мы чай допили, и я спокойно спать пошел. И спал как убитый оставшиеся

несколько часов. С утра встал бодрячком. Настроение – боевое. Простились мы с тетей Шурой, и больше я ее не видел. Даже после демобилизации. Как-то не сложилось.

А пластинку эту я где-то через год снова встретил. Точнее не пластинку, а компакт диск. Мы тогда только в Ханкалу прилетели. Дождь был, темно. Нас сначала в какой-то ангар загнали пустой. Смотрю, а там на столе письменном коробка от диска лежит. Сразу узнал, метров за пять. Я даже глазам не поверил. Тот самый альбом. Я ее открываю, а в ней – новенький диск. Ну я его и включил тут же. Хорошо, там бумбокс стоял, и хозяина всего этого добра не было поблизости.

Это был как луч света. Сразу на душе как-то легче стало. Мы ведь на войну приехали...

Наши, как музыку услышали эту, так офигели все до одного. Там альбом начинался с подземного мира. Еще бы, я бы при других обстоятельствах тоже стреманулся. Но никто ничего против не сказал. Даже повеселели все. Это же по-любому лучше, чем в тишине всякую дрянь в башке гонять. Тогда-то меня неформалом и прозвали. Так и осталось погоняло это среди армейских корешей до сих пор. А на диске мы даже первую песню не дослушали. Построили нас, и в расположение. Ну я тогда этот диск и тиснул. Нехорошо, конечно, но по-другому не мог. Понял, что это не простое совпадение. Да и кто тут его слушать будет, мажор какой-нибудь штабной? Обойдется, пусть Любэ слушает!

В общем, протаскал я этот диск с собой почти полгода, а послушать так и не довелось. Негде было, да и некогда. Только уже, когда в часть вернулся, перед дембелем. Тогда и заслушал до дыр. Там и оставил для черпаков на память. Может и им он чем-нибудь поможет.

Умерла тетя Шура. Я тогда на рыбалке был с парнями, а, когда вернулся, её уже схоронили. Но самое удивительное было, что она завещание оставила на мое имя. Квартиру мне свою завещала во Владимире. Это-то и было самым неожиданным. Ну, не считая ее кончины, конечно.

Вообще-то, кроме нас у нее родственников и не было. И этот поступок её был вполне предсказуемым. Но непонятно было то, почему она квартиру мне одному завещала. Ни отцу, ни брату, ни сестре, а только мне. В единоличное владение. Но при этом с обременением – с запретом продавать квартиру в течение года. Так я и стал обладателем однокомнатной квартиры в самом центре столицы Владимир-Суздальской Руси.

Это-то и сбило с толку. С одной стороны, вроде как горе – умерла тетка. Точнее она отцу теткой приходилось. Но мы все её тетей называли. Да и какое это имеет значение, когда умер родной человек? А с другой стороны, – счастье, прекрасная возможность свалить из этой дыры и попытаться, в конце концов, наладить свою жизнь.

По правде сказать, я был сыт Судогдой по горло. Не потому, что плохой город, а потому, что я не мог найти в нем себе место. Судогда изменила мне с другими. Более удачливыми парнями. Мне оставалось только смотреть, как они катаются на тачках и пьют джин в кабаках.

Я ведь после армейки никуда и устроиться толком не мог, кроме как в ментовку. Андрюха, свояк, ну то есть муж сестры, приглашал в патрульную службу. Он сам тогда гаишником служил. Я даже документы стал собирать, но потом меня брательник двоюродный, Витя, отговорил. Сказал, что запахло это, своих друзей в КПЗ сажать. Я прикинул. Ну да, думаю, нехорошо это будет. Мы ведь в неблагополучном районе жили. Я тут всех пацанов знаю, со всеми в нормальных отношениях. Все бедовые. Любят побухать и подраться. Ну а кто не любит? А друганы мои самые близкие – Ванька Шилин и Макс Монахов, так вообще с судимостями уже. Когда я в армейке был, они в путяге учились. Ну и встряли в какую-то историю. Кому-то наваяли. Что-то подрезали. И вот, пожалуйста, – условка. Я, если бы в армию не пошел, тоже, наверное, с судимостью, как и они, был. Но все сложилось по-другому.

В общем, после армейки, не сразу, конечно, устроился с друзьями в охрану. На предприятие одно. Проработал там года два, а потом нас выгнали всей сменой. Отмечали 23 февраля, перебрали. Пробовал устроиться к отцу. На стройку. Ну так, подай-принеси, разгрузи. Но

понял, что не мое это... Скучно. Серьезную работу не доверяли. У них в бригаде свои мастера уже были. В общем, бросил я это дело где-то через полгода. Поступить куда-нибудь учиться, желания вообще не было. С самого начала. Поздно. Уже все забыл после школы-то. Да и на шее у родителей висеть не было особого желания. Хотя, в общем-то, всё к этому и клонилось. Короче, никаких перспектив. В последнее время даже подбухивать начал. От безнадёги. А тут – на тебе. Такой подарок!

Ну мать сразу развела разговор, мол, тетка не в уме была, надо квартиру между нами (имеется в виду мной, братом и сестрой) разделить поровну. Но батя вдруг взбеленился. Всегда тихим таким был. Спокойным. И матери старался угодить. А тут – словно бес в него вселился. Кулаком по столу шандарахнул и отчетливо так:

– Завещано Илюшке, так пусть Илюшкино и будет! С другими потом поглядим!

Мать от неожиданности так и присела. И больше никогда эту тему не поднимала, хотя я чувствовал, что недовольна она таким решением. Да и сестра с братом не очень обрадовались. Ну, я думаю, это они зря. Сестра ведь старше меня. Уже замужем. У них и квартира своя, и в жизни всё в порядке, жаловаться не на что. А братеньник – мелкий еще. В школе учиться, куда ему квартира?.. В конце концов, родительский дом им достанется. Я откажусь от своей доли.

Так что я никакой вины не чувствовал и квартиру делить не собирался. Особенно после слов бати. Он потом, когда мы наедине остались, мне так сказал:

– Ты, Илюшка, насчет квартиры, не переживай. Это последнее Шурино желание было, тебе ее завещать. Поэтому ни о чем не думай, поезжай туда и живи в радость. Тетку только помяни... Хорошим она была человеком. Всегда меня выручала...

Так и решилась моя судьба. Я уже на следующий день собираться стал. В понедельник. После обеда решил поехать заселяться с твердым намерением стать парнишкой с джином. И на тачке!

У меня, если честно, вещей-то особо и не было. Из имеющихся половина еще с армейки осталась: берцы, тельники, бушлат. Были у меня ещё джинсы черные и кожаная косуха. Я их купил уже на гражданке после демобилизации. Мне боевых выплаты прилично. Столько денег я отродясь не видел. Ну и решил шикануть во Владимире. Захотел выглядеть, как байкер. Нашел какой-то неформальный магазин и потратил часть боевых.

Остальные деньги я бате с матушкой отдал. Надо было крышу в доме переделывать. Ну я и подумал, а куда мне? Пропью или на всякую дрянь спущу – на шмотки там и побрякушки всякие. А так, хоть в дело пойдут. Мечтал, конечно, мотоцикл купить. Урал. На нем и на рыбалку, и за грибами, и так погонять – одно удовольствие. Но потом прикинул, что крыша-то все-таки важнее.

А на остатки матушка новый холодильник и стиральную машинку себе справила. Так этому радовалась. словно ребенок, честное слово. Ведь это первая в ее жизни стиральная машинка была. Наверное, поэтому она так долго терпела мое безделье и непутевость.

Во Владимир я решил ехать налегке. Так мобильность увеличивается. А мне хотелось быть максимально свободным в движениях. Я, признаюсь, немного дрейфил от этой поездки. Во-первых, Владимир я толком не знал и даже переживал, смогу ли самостоятельно найти теткин квартиру. Хотя зрительная память на ландшафт у меня была отличная. Но сколько времени-то я у тетки не был – шесть лет. За это время все могли застроить-перестроить.

Вообще, если честно, я из Судогды выбирался нечасто. Только на рыбалку, за грибами или там с пацанами покупаться. И то – по окрестностям. А так, чтобы в другой город, можно на пальцах пересчитать. Причем одной руки. Армейка, ясное дело, тут не в счет. Я там помотался, будь здоров. И в Москве был, и во Владикавказе, и в Новороссийске, и в Грозном, и в Рязани. И так, по мелочи. Но это вообще другая история. К тому же я там везде по службе был. Меня везде возили. По факту видел-то мало чего. И то, большей частью, со стороны. Редко, когда свободное увольнение было. В основном уже ближе к дембелю.

А так мы с классом ездили на экскурсии. Во Владимир, в Муром и в ту же Москву. Только я тогда еще маленьким был, не все запомнил. К тому же там нас тоже возили, и города эти я больше в окошко автобуса рассматривал. А какой с этого толк? Рот открыл и глазеешь. Самостоятельно я ездил во Владимир два раза. Один раз – за косухой. Другой – погулять на дне города. И оба раза поддатый. Вот и все. С городом познакомиться не успел.

Кроме того, я ещё переживал из-за самого заселения. Все-таки это теткина квартира. Я ее очень хорошо помню. Квартиру в смысле. Она у меня прочно с Шурой ассоциируется. А я с теткой даже не попрощался, как следует. Поэтому мне казалось, что я недостойн, что ли, этой квартиры. Что я ее не заслужил. Какие-то такие, смешанные чувства. Плюс к этому, у меня почему-то закрадывалось подозрение, что во всей этой истории есть какой-то подвох. Например, приеду я и узнаю, что объявился настоящий наследник. Какой-нибудь бывший муж, про которого все забыли. Или вообще лженаследник какой-нибудь. Сколько сейчас мошенников-то этих? Или вообще, тетка жива-здоровая, а все это специально подстроили, чтобы подтолкнуть меня к переменам. Конечно, при таких обстоятельствах лучше быть налегке, чтобы можно было без потерь отступить, или, например, надавать кому-нибудь по мордам...

Короче, бушлат я решил с собой не брать. До зимы далеко. Еще сто раз сюда вернусь. В свой вещмешок я засунул мыльно-рыльные принадлежности, пару носок, трусы, футболку, тельник, шорты из старых джинсов и тапки. Кстати, армейские. Ещё рыбки сушеной прихватил. В газету завернул с десяток. Под пиво. Не зря же рыбачил, а потом сушил. Вот и все. Остальное – на мне. Матушка сказала, что полотенца и постельное белье брать не нужно, там все есть. Я бы в принципе, так и поехал, но матушка в какой-то момент решила взять мои сборы в свои руки и набила вещмешок едой.

В итоге к моим вещам прибавилась банка варенья, шмат сала, домашняя вяленая колбаса, пакет с луком, пакет с иван-чаем и килограмма три картошки. Вещмешок раздулся, стал неудобным и похожим на шар. Я, как его закинул на спину, сразу вспомнил курс молодого бойца, когда сержант засовывал к нам в вещмешки кирпичи, чтобы, как он говорил, изнурительными физическими нагрузками исправлять умственные недостатки. А падать от вспышек слева, справа и с фронта, а потом еще ползти по-пластунски двести метров, с таким вещмешком очень неудобно.

– Ничего-ничего, – говорила матушка. Кушать-то что-то надо. Макаронами одними сыт не будешь! Потом как находка будет!

Ну я, в общем, прикинул и возражать не стал. Жрать-то действительно что-то надо. Тут хоть картошечки поварю и с салцом поужинаю. Красота!!! А вещмешок, если надо, за полсекунды скину.

Батя выдал мне денег. Немного. Пятьсот рублей. Да откуда больше? Мы ведь очень бедно жили. Я даже думаю, что родители где-то в глубине души радовались, что я от них съезжаю. Я ведь толком и не работал. А ел за троих! Это дело я вообще люблю. Особенно домашнюю кухню. До армейки еще кочевряжился, выбирал. А в учебке прямо прозрел. Стал есть все подряд. Кроме перловки – мы ей поросят кормили, и я так и не смог себя пересилить. От одного вида воротило. Еще капусту тушеную не ел. Запах не переносу. С такими пунктиками я, бывало, в неделю два-три раза полноценный прием пищи пропускал. Перебивался супом, хлебом и чаем.

Пятьсот рублей я распределил так: двести рублей – это на дорогу (туда и обратно), триста – на еду и прочие траты. По пятьдесят рублей в день. Ну или около того. С таким подходом, можно неделю протянуть. Ну а что: куплю консервов рыбных банку. Супчик себе сварю. Картошка и лук есть. Морковка копейки стоит. Вот тебе и обед на несколько дней. Еще пакет гречки и десяток яиц. Гречку можно поварить и потом с яйцами и луком пожарить. Вот тебе и завтрак. Пару раз гречку, пару – картошку поварю. С салом и колбаской домашней отличный

выйдет ужин. Что еще? Молока пару пакетов, пару батонов и буханку черного. Где-то рыбкой сушеной можно червячка заморить. Чай есть, варенье тоже.

В общем, неделю как-нибудь протяну. А там, у меня ветеранские придут. Их, конечно, немного, но, если прижаться и сразу же работу где-нибудь найти, то до зарплаты дожить можно. Без курева, конечно. И без выпивки. А, если все пойдет наперекосяк, всегда будет столик, чтоб вернуться обратно за дарами с огорода.

Присели мы на дорожку, родители меня обняли, мама перекрестила, и я поехал.

До Владимира шел автобус. По законам жанра из этой глуши в новую жизнь меня должен был бы увозить какой-нибудь блестящий двухэтажный монстр. Но не в этот раз. В этот раз был Пазик. Почти полный. Но сидячее местечко для меня все же нашлось. Правда пришлось повозиться с вещмешком, который некуда было пристроить, и в итоге я оставил его на коленях, обняв руками. Со стороны, наверное, довольно жалкое зрелище.

Плюс ко всему, как только мы тронулись, начался дождь. Мелкий, почти незаметный. Но стекла моментально покрылись сеткой стекающих капель. Точно такой же дождь был, когда нас с призывного пункта в учебку везли. На меня сразу же нахлынули воспоминания. И такая тоска охватила. Хоть плачь вместе с этим дождем. Я и так перемены не очень люблю. А тут еще моя жизнь вообще полностью обнуляется. Уезжаю из родительского дома. По всей видимости, навсегда...

Короче, не вышло у меня радостного отъезда с вдохновляющими мыслями. Все это скорее напоминало, как будто меня выперли из собственного дома со словами: «Пора бы тебе уже научиться ответственности». Так я и уснул, а проснулся уже во Владимире. Как раз перед нужной остановкой. Началась суета. Люди устремились к выходу, бесцеремонно толкаясь. Эта толчея меня и разбудила. Я подскочил и, испугавшись, что могу не успеть к выходу, вырвался из узкого проема между сидениями и тут же был подхвачен вместе с вещмешком толпой целеустремленных пассажиров. Спустя пару секунд усталый Пазик выплюнул меня на улицу.

Первое, что я осознанно ощутил, так это жуткую вонь выхлопных газов и жженой резины. Я еще подумал, что Владимир отвратительно воняет. Правда, обоняние очень скоро адаптировалось. А может быть, я просто подальше отошел от проезжей части. Оказавшись один, я собрался с мыслями и был готов к дальнейшим действиям. Дождя не было, что, в общем-то, в некоторой степени вдохновляло. Призывной пункт находился совсем рядом и я, дойдя до него, сразу же вспомнил, в каком направлении находится теткин дом.

По пути мне попался супермаркет. И тут же захотелось пива. Больше всего на свете. Я зашел. Купил полторашку лакинского. И еще пельменей. И спустил почти две трети средств, отложенных мной на проживание. Ничего. Обойдусь без молока и яиц. Консервы куплю подешевле. Кильку в томате. А из пельменей тоже можно супчик сварганить. Так и решил. А как иначе? За новоселье выпить надо! Да и тетку помянуть тоже. Я ведь и отцу это обещал.

Конечно, в вещмешок все это добро не влезло. Пришлось покупать пакет. Выйдя на улицу, я первым делом открыл бутылку и сделал несколько больших глотков. Пиво было холодное. Уходило как в песок. Очень пить хотелось. На последнем глотке я вдруг поймал себя на мысли, что редкие прохожие косятся на меня с неодобрением. Похоже, здесь так не принято. Глупая деревенщина! Засунув пиво в пакет, я поспешил по направлению к теткинскому дому.

Жокей, опившийся бурбона

Стоит сказать, квартира у тетки – что надо. О такой я мог только мечтать! Она выигривала во всех отношениях. Во-первых, месторасположение. Вроде бы – центр города. Буквально за углом машины сплошным потоком несутся, люди толпами бродят. Асфальт, брусчатка, кирпичные дома, водосточные трубы, фонарные столбы, канализационные люки. Все как в большом городе. Метров триста – троллейбусная остановка. Через пятнадцать-двадцать минут ты в любом конце города. Хотя и поблизости есть все, что нужно для нормальной полноценной жизни. Никуда ехать не надо. И торговый центр с продуктовым супермаркетом, и кафешки всякие, и театр, и ночные клубы, и областная библиотека, и парк, и даже монастырь. Может, наконец, сподоблюсь хотя бы на праздники в церковь заглядывать... Короче, жизнь вокруг движется полным ходом!

А стоит зайти под арку, там совсем всё по-другому. Травка во дворе пушистая, как какой-то сказочный ковер, раскидистый куст черной смородины с пузатыми ягодами, которые, похоже, никто не собирается обрывать, клумба с какими-то разноцветными цветочками и неказистыми кустами мяты. А над всем этим возвышается огромная липа, высаженная, наверное, еще до революции. Благодать! А самое главное, что почему-то не сразу замечаешь, – тишина.

Как будто арка – это портал в другой мир. Словно нет за углом города со всей его суетой, шумом и вонью выхлопных газов. Сюда лишь изредка донесется откуда-то далекий автомобильный гудок. А так – только шелест листьев на ветру, крик залетной вороны, да редкий скрип старых ржавых качелей. Точно в Судогде опять оказался. Оттого мне так нравилась эта квартира – центр большого города, но, в то же время, все родное, деревенское.

Еще одно несомненное достоинство моего нового жилища – его расположение в доме. У теткиной квартиры свой собственный, отдельный вход с улицы! У остальных квартир в доме вход через общий подъезд. По две квартиры на этаже. Как по мне, так это уже не то. Все-таки уже не свое. Общее. Тут каждый – хозяин. И каждый норовит что-то от себя в обстановку внести: кто цветы пластмассовые повесит, кто картину с котятами, кто стены в розовый цвет покрасит. Дежурства опять же. И, хотя в подъезде всегда образцовый порядок, не хватает какого-то уюта. Слишком светло, слишком опрятно, слишком публично. А у тетки дверь где-то сбоку. За кустом смородины.

Уж не знаю, как это так вышло... Как будто строители вдруг решили пристроить к дому еще часть специально для того, чтобы устроить в ней квартиру для тетки. Хотя дом наверняка дореволюционный, когда тетки и в помине не было. Сейчас эта часть дома была похожа на слегка удивленное лицо. Два глаза – окна на втором этаже. Причем разного размера. Под ними скромно пристроились ржавые усы навеса, стыдливо прикрывающие разинутый рот – старую деревянную дверь.

Но больше всего мне нравилось, что теткина квартира располагается на втором этаже. Чтобы в нее попасть, надо отпереть уличную дверь, затем подняться по узкой лестнице наверх и отпереть еще одну дверь – в квартиру. Для этого у меня было два старых латунных ключа, связанных между собой желтой шерстяной веревкой. Ума не приложу, зачем нужно запирать обе двери. Может быть, от любопытных соседей. Кроме теткиной квартиры в подъезде было еще две двери. Точнее дверь одна – в подвал. А еще лаз на чердак. Гипотетически через них можно было бы попасть в другую часть дома, где был общий подъезд.

Протопав под аркой, я пересек небольшой дворик и почему-то остановился у тропинки, ведущей к двери в мою новую жизнь. Точно споткнулся. Оглядевшись, я не заметил ничего необычного. Все примерно так, как я помнил, разве что дом кое-где подштукатурили и заново покрасили. Никого во дворе не было. Из окон на меня никто не пялился. Но вот теткина квартира взглянула на меня с недоверием.

Меня вдруг охватило какое-то неясное ощущение. Будто что-то во всем этом не так, неправильно. Точно я во сне. Словно я оказался здесь по какой-то нелепой ошибке. Что не должен я тут находиться. А если останусь, то окажусь ничуть не лучше какого-нибудь проныры, получившего наследство путем лицемерия и бесконечных интриг.

Откуда взялось это неистовое самобичевание? Интересный, кстати, повод для рефлексии. Нет, конечно, я не заслуживаю такого, более чем щедрого подарка, как теткина квартира. И, может быть, не оправдаю надежд, перебравшись в большой город. Но, в конце концов, я же не виноват, что тетка завещала квартиру именно мне. Я к ней не подмасливался, никаких козней не строил. Жил себе спокойно. Со своей парой штанов и тельниками. Мы с теткой даже не общались. И, тем не менее, это был ее выбор. И почему же я должен от него отказываться? Может, это мой единственный шанс что-то поменять в своей никчемной жизни? В жизни без перспектив, без работы, без денег. И с родителями.

Короче, я решил отбросить все эти сомнения. Я же законный собственник, пусть еще и не вступивший в права наследования. Ничто не помешает мне войти в новую жизнь! Вот так!

Глубоко вздохнув, я решительно направился к двери. У двери на меня вновь накатила волна неясной тревоги. Достав из кармана ключи, я судорожно начал вставлять первый попавшийся в замочную скважину. Казалось, это продолжалось целую вечность. И всю эту вечность с неодобрением за мной наблюдали соседи. А предательский ключ никак не хотел открывать дверь. То никак не влезал в канал, то запутался в ложных пазах, то никак не мог подцепить сувальды, то поворачивался не в ту сторону. И все это как в каком-то дурном затянувшемся сне. Хорошо, что хотя бы с ключом я угадал. По крайней мере, это избавило меня от необходимости повторения всей процедуры.

Раздался щелчок. Старая деревянная дверь, несмотря на свою громоздкость и обшарпанность, внезапно легко поддалась и бесшумно открылась, увлекая меня в полумрак небольшой площадки. Я с радостью занырнул внутрь и закрыл за собой дверь, оказавшись в крошечной темноте.

Втянув носом немного сладковатый с легким оттенком сырости воздух, я задержал дыхание и прислушался к абсолютной тишине своего нового жилища. Вокруг была беспросветная чернота. Прелюдия заселения как-то затянулась. Надо было срочно подняться в квартиру. Я принялся шарить рукой по стенам, нащупывая электрический выключатель и ругая строителей за то, что те, прорубив в стене дверь, поленились сделать хотя бы маленькое окошко, чтобы можно было добраться до второго этажа, не рискуя свернуть себе в темноте шею.

«Надо будет потом дверь поставить со стеклом», – решил я с хозяйским размахом, но, прикинув финансовые возможности, немного притормозил: – «Если будут лишние деньги...». Наконец мне удалось нащупать выключатель, и подъезд залило тоскливым тусклым светом.

Деревянная лестница жутко скрипела. Кирпичные стены были не оштукатурены, и дореволюционная кладка выглядела неожиданно модно, стильно гармонируя с черными крашеными ступенями. Дополняла картину огромная электрическая лампочка, которая, несмотря на свои невероятные размеры, очень скупно сеяла мелкий желтый песочек на пару-тройку ступенек и часть красной кирпичной стены.

«Надо будет сюда плакат Цоя повесить. Хотя нет, лучше – Вейтса. Будет круто смотреться, особенно в рамке», – снова по-хозяйски прикинул я, на этот раз с удовольствием отметив, что такая задача мне вполне по карману.

Бодро поднявшись на второй этаж, я оставил свою поклажу на полу и задумался. Сейчас я открою дверь, зайду внутрь и начну жить новой, совсем другой жизнью. Один. Сам себе хозяин. Сам за все в ответе. Совсем взрослый. С невероятными перспективами. А главное, назад дороги нет. Не этого ли я хотел все эти годы?

Ожидая новой порции сомнений, я прислушался к внутренним ощущениям, но почувствовал только прилив воодушевления. Пожав плечами, я открыл дверь квартиры и как-то

уж слишком буднично, без фанфар, аплодисментов и оркестра, зашел внутрь, оказавшись в небольшом коридоре. Я его точно таким и запомнил: справа вешалка, на которой все еще висел старый теткин плащ, наверняка сохранивший ее запах, чуть дальше – потертое деревянное трюмо с кучей отпечатков ее пальцев. Слева – массивный шкаф, в котором всё еще лежали какие-то ее вещи, а на полу – полосатый разноцветный половик. Точь-в-точь как у нас, только со следами ее последних шагов. Сняв свои старые берцы, я прошел внутрь.

Сразу же за шкафом располагалась единственная комната – небольшое оклеенное светлыми обоями помещение. Комната была заставлена старой советской мебелью. Металлическая кровать на пружинах, деревянная прикроватная тумбочка, кресло с деревянными подлокотниками, торшер с желтым абажуром, небольшой книжный шкаф, буквально заваленный книгами, и шифоньер. Все, что нужно для спальни.

Чуть дальше, слева по коридору была кухня. Но с кухней это помещение роднили разве что газовая плита, раковина и небольшой кухонный гарнитур, выставленные в ряд вдоль ближайшей стены. Ну и ещё, может быть, круглый столик с парой стульев у окна. Этот стандартный для кухонной комнаты набор, сбился в углу и был явно недоволен оккупировавшей оставшуюся часть помещения мебелью, никакого отношения к приему пищи не имеющей.

Возглавлял этих захватчиков огромный камин, валяжно раскинувшийся за углом с явным намерением рассказать какую-то уютную историю паре старых кресел с деревянными подлокотниками. Массивный диван – главный антагонист демонстративно отвернулся от камина, привлекая внимание невысокой стенки, приобретенной, похоже, совсем недавно в Икее. А та бесстыдно выставила напоказ довольно сносный телевизор и великолепную, хотя и не новую акустическую систему с подключенным к ней проигрывателем.

Это явно было место для тусовок. Или станет им. Это уж непременно. Да, кухня – просто мечта! Именно здесь мы отвисали с теткой перед армейкой. А вон и те самые пластинки!

А в нижнем ящике стенки, наверняка, стоит пара пузырей с выпивкой!

Подойдя к небольшому шкафчику, я с некоторым сомнением открыл дверцу и с удовольствием обнаружил там батарею бутылок самого разного разлива. Тут тебе и магазинное спиртное, и самогон. И отечественное, и буржуйское. И вино, и кое-что покрепче. Похоже, я оседлал удачу!

Взяв первую попавшуюся бутылку, я с удовольствием открутил крышку и отхлебнул изрядную часть. Я не сильно разбирался в крепком алкоголе. Специализировался на водке и самогоне. Хорошо, что этикетка подсказала. Бурбон: «Тетка, ты – супер! Отпусти, Господи, грехи твои вольные и невольные...»

Ну а дальше... А дальше я стал потихоньку вживаться в роль хозяина. Первым делом открыл окно, чтобы проветрить квартиру. Знаете, стоял такой не очень приятный душок... Сырость. А еще было мрачновато. Поэтому я включил проигрыватель. Хотелось чего-то динамичного. Порывшись в пластинках, я долго выбирал между Лед Зепеллин, Дорз и Дэвидом Боуи. В конце концов, поставил Тома Вейтса. В память о тетке.

Помянув Шуру, я тщательно осмотрел кухню. И обалдел. Шестнадцать человек на сундук мертвеца! Провизии тут хватило бы на пару-тройку месяцев. Минимум. Шестнадцать человек протянули бы тут неделю. Не меньше! Тетка как будто к войне готовилась. И крупы всякие, и макароны, и тушенка, и консервы рыбные, и молоко в тетрапаках. Соль, сахар, приправы, чай, кофе. Все это было аккуратно распахано по шкафам кухонного гарнитура, что-то лежало в диване. Обычно в диванах лежит всякая дрянь, наподобие обрезков обоев или старых подушек, а тут пространство использовано с умом – под консервы и крупы. И зачем я эти пельмени покупал? Ну зато на еду тратиться больше не придется. Если только на хлеб. То-то матушка про макароны мне перед отъездом говорила. Они ведь в кухонном гарнитуре лежали, а в диване она посмотреть не догадалась! А то б не дала мне ни сала, ни колбасы!

Холодильник был отключен. Это мамка с батей после похорон приезжали проверить и порядок навести. Ну и холодильник, ясное дело, выключили, чтоб электричество не жег.

Включив холодильник, я переместил туда початую мной бутылку бурбона (разумеется, предварительно наполнив стаканчик), начатое пиво, пельмени, а также кое-какие продукты, что привез с собой. Подумав немного, я решил приготовить льда. Я слышал, что за границей крепкое спиртное со льдом пьют. В общем, наполнил формочки водой из чайника и поставил в морозилку... В течение вечера этот лед мне ой как пригодился.

Так, посуда присутствует в полном ассортименте. И притом идеально чистая, средство для мытья посуды – тоже есть. Терпеть не могу грязную посуду. Это у меня после армейки. Я даже не могу кушать с тарелки, на которой до этого лежала какая-нибудь еда, даже моя собственная. Не говоря уже о том, чтобы одной ложкой есть и первое, и второе. Бывает, в гостях съешь салат, и в эту же тарелку норовят котлету какую-нибудь положить. И уже неприятно ее есть. Поэтому я стараюсь всегда тарелку поменять или помыть. Ну и приборы, соответственно. В нашей компашке все над этим прикалывались.

В армии я о таких вещах, конечно, не задумывался. Некогда было. Главное там – в принципе поест, хоть из шапки застреленного врага. А после армии как будто прозрел. Теперь, когда вижу в столовке, что кто-то похлебает супчик, а потом этой же ложкой начинает кашу черпать, как в армейке, меня аж передергивает от отвращения. И стаканы заляпанные терпеть не могу, лучше в таком случае из горла пить. И ведь пил. Водку. А деловито плескающуюся в теткинском показательно чистом и прозрачном стакане жидкость выпью и подавно! Джим Бим. Еще один плюс в копилку покойницы.

Что еще интересного на кухне? Конечно, содержимое стенки. Ну, тут понятно – выпивка. Здесь – документы на квартиру. Посмотрю попозже. Тут – аптечка. Ага, игры – советский набор: нарды, домино, шахматы... Помню, как-то в армии перед дембелем, когда вернулся в часть, старшину нашего под орех разделал. Он, бывало, у двери в каптерку сядет на лавочку, шахматы расставит и ждет, когда кто-нибудь с ним сыграет. В основном всегда у него были в противниках такие же старые пузатые старшины и прапорщики. А он среди них – главный гроссмейстер. Когда никого нет, цеплял черпаков и заставлял играть. Кто проиграл – в наряд. Кто выиграл – молодец. Только таких среди черпаков не было. Все потом наряд тащили. К дедам не приставал. Ну и тут я как-то иду, смотрю, а он сидит, понурился весь. Видно, тоскует без партнера.

– Ну, – говорю, – товарищ старшина, разрешите с вами партейку сыграть?

Он так на меня недоверчиво посмотрел и говорит:

– Проиграешь, в наряд запишу, хоть и дембель!

– А Вы проиграете, новый комок мне на дембель выпишете. И берцы!

Ну, мы и начали. Как обычно. Е2-Е4, дальше коник, пешечка, слоник, рокировка. Обычная история. Осторожничают старшина. Развивается, центр пытается занять. Ну я от своего короля пешки в его сторону и погнал. Глупость, конечно. А играет разумно. Мою оборону щупает и продавливает со стороны ферзя. Пока копался, мои пешки к его пешкам подошли. Ну и, вроде как, надо есть. Он даже чуть не плюнул с досады, что ему такой глупый противник, как я попался. Играет, дескать, в какую-то дичь, отдает пешки. Даже перепросил, уверен ли я. А я уверен был на все 100 %.

Я ведь, когда в школе учился, в молодежный клуб ходил с пацанами в нашем районе. Ну там в качалку, грушу поколотить, на гитаре побренькать. Как-то мы на шахматы подсели. Каждый день чуть ли не целый год рубились. До драки! Так что кое-что я соображал. А в армейке уже, перед самым возвращением в расположение части, две недели в Моздоке проторчал при штабе. Это вообще отдельная история. Суть в том, что там компьютер стоял, и я не то чтобы постоянно, но частенько, пока никого не было, в шахматы на нем поигрывал. И тогда понял,

что единственный вариант выиграть у машины – ходить непредсказуемо. И вот так примерно, как старшину нашего, я пару раз компьютер и дернул. На слабом уровне, конечно.

Короче, старшина с самодовольным и немного разочарованным видом забирает мою пешку. А сам только о своем замысле думает. Он там наставил уже фигур. Пару ходов и у меня вся защита на левом фланге посыпется... И тут понеслось: еще одна моя пешка лезет к его королю, потом слоник, король почти голый, тура, ферзик, коник. И все. Мат! Старшина (Соцков у него была фамилия) аж дара речи решился. Он и так-то не мог нормально мысль сформулировать в слова. А тут такой удар. Смотрит он на доску, на меня и не понимает, как это так, его, гроссмейстера части, разделал под орех какой-то левый дембель. Он сразу: «Давай реванш!» А я: «Нет, извините, товарищ старшина, поверка вечерняя, надо быть».

В общем, он за мной целую неделю потом гонялся. Сидит на своей лавке и все по сторонам голову вертит, меня ищет. А, как увидит, аж подпрыгивает от нетерпения. А у меня ведь тоже зрение хорошее, я раз – и в спортзал. Или в казарму. Или в столовку. Никогда до него дойти не получалось. А все потому, что, когда я черпаком был, он меня на орбиту запустил – три наряда вне очереди назначил. Дневальным по роте. Из-за того, что на построении стоявший рядом боец, когда объявляли благодарность Соцкову, чихнул словом «лох», а я засмеялся. А как тут не рассмеяться? Все ржали. А старшина подумал, что это я чихнул.

В общем, дней через пять жалко мне стало Соцкова. И, наконец, решил я ему реванш дать. Подошел к нему. Он аж задрожал от волнения. Какого-то прапорщика в сторону подвинул, меня перед собой усадил, и мы начали. Я с самого начала знал, что проиграю. Не потому, что сдался, а потому, что так правильно было бы. Свое я уже получил. Пусть теперь старшина успокоится. Старый ведь уже. В общем, поиграли мы с ним. Долго. Дошли до эндшпиля, ну там я и завалился. В эндшпиле я всегда плохо играю. Там скучно, и надо очень внимательным быть.

Старшина сначала обрадовался. Глаза опять заблестели.

– Итого – ничья! – говорит.

– Квиты, – кивнул я буднично, как будто и не проиграл вовсе, – А теперь, побегу. Командир зовет.

И ушел. Непобежденным. И старшина Соцков это тоже понял. И потом уже никогда не предлагал мне сыграть с ним в шахматы, даже когда один скучал. Он и не смотрел на меня, словно я и не существую вовсе. А новый камуфляж и берцы мне черпаки перед увольнением подогнали, за что им респект и уважуха. Берцы до сих пор ношу.

За всякими такими мыслями и планами на новую жизнь я и уговорил бутылочку бурбона. А что? Повод был. И не один. И тетку помянуть и новоселье отметить. Можно по такому случаю и выпить. Все чинно – благородно. В процессе приготовил себе яичницу и даже сварил кофе. Побродив по дому, я, наконец, освоился и, раздевшись до трусов, завалился на диван смотреть телек.

Потом достал из стенки старый фотоальбом, стал рассматривать черно-белые, где-то потертые, где-то выцветшие фотографии. Сначала шли дореволюционные. Всего пару штук. Стильные. Дамы, кавалеры и дети на них выглядели одухотворенными. Лица у всех были благородными, строгими и слегка напряженными. Затем довоенные фотки. Барышни, мужчины и дети смотрелись более демократичными. С короткими прическами, без бород и усов. И без шляп. А потом мне захотелось еще выпить... Я взял из стенки еще одну бутылку. На этот раз попался самогон, настоящий на шиповнике. Налив четверть стакана, я и так полный до краев бурбона, махнул без закуски, сморщился, добрался до дивана и... отрубился.

Разбудил меня мерзкий вибрирующий треск дверного звонка. Откуда-то издалека, из черноты. С обрывками сновидений, безжалостно намотанными на сверло дрели, с адским упорством бьющей меня прямо в мозг. Я подскочил на диване, ошарашено осматриваясь и пытаюсь сообразить, что происходит, и где же я нахожусь. В квартире холод дикий. Окно-то открыто. На улице уже темно, а по металлическим отливам легко барабанит дождь. От холода и вне-

запно навалившейся реальности мои мысли очень быстро пришли в порядок. А трезвон так и не прекратился. Сколько времени? Час? Два?

Я никого не ждал, поэтому смачно ругнулся. Понимая, что прекратить этот звук можно только открыв дверь, я на шатающихся ногах поплелся вниз. В подъезде все также горел тусклый свет, который я забыл выключить. Ухватившись за дверную ручку, я вдруг внезапно понял, что дверь я тоже не запер. Что же я за раздолбай такой?! Напился, свет не выключил, дверь не закрыл. Хозяин. Что бы на это тетка сказала?

Открыв дверь, я увидел в полумраке высокого мужчину с короткой седой бородкой, в длинном светло-сером вязаном свитере с капюшоном и широких холщовых брюках. На плече у него висела большая холщовая сумка.

– Значит, и правда умерла? – спросил он тихим голосом, перестав тыкать пальцем в кнопку звонка.

– Вам что надо? – пробормотал я раздраженно. – Вы знаете, который час?

– Давно? – не обращая внимания, спросил мужчина.

– Несколько дней как. Так что Вам нужно, Вы кто?

– Ты теперь, значит, за нее будешь? – игнорируя меня, продолжил свой допрос незнакомец.

– Послушайте, – сказал я, – сейчас ночь, и у меня нет никакого желания вести тут с Вами беседу. Понятно? Вы или говорите, что надо, или уходите!

Мужчина внимательно посмотрел мне в глаза, ухмыльнулся и сказал:

– А ты не промах. Ладно, не нервничай! Мне надо переночевать. Шура меня всегда пускала...

От такого неожиданного поворота я даже слегка опешил. Неловкая ситуация. Ночь, какой-то левый мужик просится ко мне переночевать. С одной стороны, послать бы его лесом, но где ему тогда в такое время остановиться? Да еще и дождь этот идет, как назло. Хоть и мелкий, но все равно неприятно. Конечно, тут поблизости гостиниц полно, но, судя по его виду, денег у него немного.

– Где же ты остановишься, у меня ведь места-то немного? – перешел я на «ты», затягивая время, чтобы все хорошенько обдумать.

– Известно, где, – ответил он слегка удивленным тоном, – в подвале...

В подвале? Это уже проще. Не нужно в квартиру пускать. Все спокойнее будет. Да еще и знакомый тетки. Постоянно, говорит, его пускала переночевать в подвал... Сердобольная, видно, была. Странно. На вид не бомж, хоть и одет как какой-то бродяга.

– Ба! Да ты еще не в курсе! – удивленно воскликнул он, прервав мои мысли.

– Не в курсе чего? – почему-то шепотом спросил я.

– Ну, это не я тебе должен рассказывать, – также шепотом ответил он, а потом перешел на обычный голос, – обожди немного. Придет еще время. А сейчаспусти меня, Христа ради. А то нехорошо как-то на улице...

Ну на улице и правда было нехорошо человека держать. К тому же я уже принял решение пустить его на ночь. В память о тетке. Я отступил вглубь коридора, освободив незнакомцу место, и в растерянности стал размышлять, где ключ от подвала.

– Дай тебе Бог здоровья! – облегченно вздохнул он, быстро шагнул внутрь подъезда и закрыл за собой дверь, заперев ее изнутри на крючок. – Ну, хозяин, отворяй!

Я пожал плечами и на всякий случай неуверенно толкнул дверь в подвал. Она тоже оказалась не заперта. В тусклом свете проглядывались несколько деревянных ступенек, уходящих в кромешную темноту. Протиснувшись мимо меня, постоялец благодарственно кивнул мне и со словами «дальше я знаю как», потопал вниз по ступеням. Постояв немного, я дождался, когда внизу загорится свет. В итоге мне ничего не оставалось, как прикрыть дверь в подвал и пойти дальше спать.

Да, интересное от тетки наследство мне досталось. Богатое! Но с обременениями. Надеюсь, таких вот квартирантов больше не будет. Да и этого надо будет как-нибудь отвалить...

Здесь вчерашний день

Проснулся я, как это обычно бывает после пьянки, внезапно. Как будто бы вынырнул из купели. У нас дома из мусорного бака купель была сделана. В землю ее вкопали и перед баней воду туда заливали ледяную. Я люблю из парилки в купель занырнуть, ну или в прорубь, если зимой. Весь воздух выпустить из легких и тихо-тихо опуститься до самого дна. И на долю секунды отключиться от всего этого. А потом раз, и из последних сил, преодолевая боль в груди, сквозь красные круги в глазах, выпрыгнуть из воды. Чтоб прочувствовать суету. Только что ты был почти на том свете и тут снова в этом брэнном мире. И не до конца врубаешься, что к чему, и снова все чёткое и осязаемое. Только вот после бани ты выныриваешь обновленный, почти безгрешный. А тут...

Да еще вот голова трещит и как-то... как-то стыдно, что ли. Хорошо бы сегодня наступило вчера... Но это у меня всегда так... Короче, я решил опохмелиться. Не потому, что какой-то там пьяница. Нет. Меня вообще на второй день от алкоголя воротит. Я бы лучше похлебал бы чего-нибудь горяченького и поспал бы еще пару часиков. Только вот вспомнил про ночного гостя.

Конечно, я все правильно сделал. Пустил его переночевать, не нагрубил, не послал на три буквы. Молодец, одним словом. Только нечего привечать всяких там непонятных личностей. Тут не проходной двор. У меня теперь все-таки ответственность. А то, что он там с теткой знался, так это меня не касается. Я не тетка. У меня свой порядок!

В общем, решил я этого ночного гостя выставить. Только для этого надо как-то с похмельем разобраться. А то я под этим делом туплю. Да еще лень какая-то и слабость в теле. Все равно, что пьяный. Порой мне кажется, что я даже пьяный трезвее, чем в похмелье.

Но с этой бедой меня еще в армейке научил мой кореш бороться. Федором его звали. Дядя Федор. На полгода старше призывом. Из Пскова. Мы с ним как-то, уже когда я с Кавказа вернулся, перед самым его дембелем раздобыли где-то спирта ноль семь. Не помню уж и где, то ли в гараже, то ли в каптерке. Ну, ясное дело, разбавили его пополам и выпили. Как сейчас помню, в столовке после ужина салаги нам картошечку пожарили, пару банок тушенки подогрели. И мы с дежурным прямо в горячем цехе и засели. Ну и, ясное дело, с непривычки перебрали. Никакого криминала. Я спокойно до койки добрался и сразу же отрубился. А с утра голова просто готова была взорваться, выворачивает всего, а впереди весь день. Вот дядя Федор мне и говорит:

– Надо сейчас грамм 50 засандалить и всё, больше не пить. Тогда через полчаса будешь, как огурчик. Главное, не переборщить, а то в запой уйдешь.

Ну, мы с ним до столовой добрались. А там дежурный нам по пару капель и начислил. Ему, оказывается, Федя накануне велел оставить на опохмел. Опытный был. Погиб потом. Разбился на машине.

В общем, раз такое дело, деваться некуда. Достал я вчерашнюю самогонку, налил себе полстопки. Меня от запаха ее аж передернуло всего. Собрал волю в кулак, выпил залпом. Из чайника водичкой запил и побрел в душ. Федор, как всегда, не подвел. Из душа я уже как новенький выкатился. Настроение отличное. Выпить еще тянет, но помню – ни-ни! Заварил я себе чая из пакетика. Стою у окна, смотрю.

Сегодня небо залито каким-то молочным киселем и вроде бы как хмурится. У соседнего дома из-за этого видно только силуэт. Кажется, если я киню что-нибудь из окна, оно непременно застрянет в этом киселе или начнет медленно опускаться вниз, на землю. Я невольно взглянул вниз и очень отчетливо увидел куст смородины. Ну, думаю, грех в такое утро в чай листочек смородиновый не добавить. А заодно есть повод наведаться к приживальцу и расставить все точки над «i».

Выхожу я с чашкой в подъезд. А там все еще свет горит. Вот что я за человек такой? Так ведь и не выключил ночью. Сколько рубликов впустую нагорело? А с другой стороны, в потемках что ли ночью наверх карабкаться? Пьяному? Чувствую, разорюсь на счетах за коммунальные услуги, как пить дать!

В общем, спускаюсь вниз, смотрю, а дверь в подвал слегка приоткрыта. Ну, думаю, выходил, наверное, до ветра. И, кстати, раз дверь открыта, есть еще один повод зайти, убедиться, все ли в порядке. Заглядываю за дверь, а там темно. Хоть глаз коли. А включать свет как-то неудобно. Все-таки спит человек.

В такой ситуации единственное, что мне пришло в голову, так это попытаться его разбудить. Как бы между делом. Я пару раз кашлянул и звонко отпер входную дверь, а, когда вышел на улицу, основательно так ей прихлопнул. Должен услышать!

А на улице, несмотря на то, что хмурь, тепло. Во дворе никого нет. Сказочно тихо. Даже автомобильный гул остался где-то вдалеке – за пеленой этого белого киселя. Роса лежит. И смородина такая четкая, темно-зеленая с крепкими большими листьями. Как будто в какую-то сказку попал. Или нет – в фэнтезийный фильм. Я даже про постояльца забыл. Как сомнамбула добрал до куста, сорвал лист и бросил его в чай. Меня сразу же окружил невероятный сладкий аромат. Я его с детства люблю, когда мы в чужих огородах через забор смородину и крыжовник рвали. Хотя своего полно было, но чужие ягоды, как всем известно, вкуснее и больше.

Это-то и вернуло меня обратно в реальность. Да и чай сразу как-то преобразился. Не люблю я эти пакетики, вкуса нет, а если со всякими добавками, так вообще хоть беги – какая-то приторность химическая. Стою, пью. Зря я заварку не заварил. Думаю, неплохо бы здесь скамеечку смастерить. И столик. Обязательно сделаю. Стоя пить неудобно.

Когда чая в чашке осталось меньше трети, я решил, что пора возвращаться. Гость уже, наверное, оделся. Зашел я обратно и снова на всякий случай дверью хлопнул. От такого шума любой бы проснулся, а в подвале по-прежнему темно.

– Эй, дружище! – крикнул я в темноту. – Спишь?

Тишина.

– Э-эй! – чуть громче повторил я.

Снова тишина.

– Все в порядке? – почему-то спросил я и сразу же перешагнул через порог.

Тут должен быть электрический выключатель. Я на всякий случай хлопнул правой рукой по стене и на удивление тут же попал в кнопку. Зажегся свет, которого едва хватало, чтобы разглядеть, куда можно поставить ногу на следующих ступенях.

В подвале я еще никогда не был. Вниз вела некрашенная тусклая деревянная лестница с массивными ступенями, которые жутко скрипели. Спустившись, я с удивлением обнаружил, что в подвале тепло, сухо и темно. Обычно в подвалах прохладно и влажно. Но здесь, по всей видимости, была хорошая вентиляция. К тому же подвал был неглубокий.

Напротив лестницы под самым потолком было устроено крохотное окошко, которое нехотя освещало небольшое пространство у своего подножия. Хотя очертания подвального помещения и его обстановка более-менее проглядывались, но света было явно недостаточно, чтобы комфортно его осмотреть. К тому же постоялец не объявлялся. Жуть какая-то. Пошарив на стене, я нашел еще один выключатель и зажег свет.

В подвале никого не было. Хотя я это и не сразу понял. Подвал оказался довольно большой. Гораздо больше, чем казался в тусклом свете мутного окна. Я некоторое время стоял в растерянности, оглядывая помещение. Оно было размером с мою квартиру, только без лишних перегородок. И выглядело просто шикарно. Красные кирпичные стены и сводчатый потолок. Пол выложен известняковыми плитами. Очень атмосферно! Как будто оказался в каком-то старом замке. В углу, как раз там, где у меня камин, настоящая русская печь! Как у бабки в деревне.

Печь, как полагается, оштукатуренная и выбеленная. Она, если честно, не очень вписывалась в интерьер. Здесь бы самое место камину, тогда антураж был бы бесподобен. А печь как будто поставили тут на хранение. В подпечье аккуратно лежали дрова. К печи как бы между делом прислонились ухват, кочерга и деревянная лопата. Такое чувство, что эту печь до сих пор использовали и пекли пирожки.

Ещё в подвале, прямо в центре стоял грубый деревянный стол с дощатой столешницей и две старые деревянные скамьи по бокам. В обоих дальних углах под окном притулились скучные армейские металлические кровати, на которые, само собой, были устелены полосатые ватные матрасы, синие армейские шерстяные одеяла и тяжелые пуховые подушки. Не похоже было, чтобы кто-нибудь здесь спал. Никаких следов пребывания ночного посетителя. Разве что...

Я, если честно, не сразу поверил глазам. Как-то неправдоподобно все это выглядело. На столе довольно буднично лежала пара золотых монет – царский червонец конца XIX века и червонец-сеятель времен РСФСР. Откуда взялись эти монеты? Первое, что я подумал, ночной гость забыл их. Но, с другой стороны, они лежали с самого края стола, как будто их специально оставили. И вообще как-то маловероятно, что кто-то вдруг стал бы здесь, прямо на столе раскладывать свою нумизматическую коллекцию, а потом вдруг заторопился и, собирая ее, в спешке забыл две блестящие и, похоже, жуть какие дорогие монеты. Очевидно, что их здесь оставили намеренно. Только зачем? И кто?

Ночной бродяга? Как оплату за проведенную ночь? Это бред! За такие деньги, наверное, можно снять весь этаж в каком-нибудь отеле по соседству, а не ютиться на пружинной кровати с ватным матрасом в обнимку.

Может быть, кто-то хочет меня проверить? А смысл? И, главное, в чем? Понятно, что я не оставлю здесь эти монеты, а заберу их себе. Конечно, сразу же в ломбард я не побегу. Я же не какой-нибудь там проходимец. Надо подождать, вдруг хозяин объявится...

Все это заставило меня еще раз хорошенько оглядеться по сторонам. Я даже заглянул под стол. Вдруг там прячется вчерашний гость. Нет, он бесследно исчез. Зато нашелся единственный предмет роскоши в подвале – плетеное кресло-качалка, которое стояло под лестницей. Там же, насупившись, вдруг затарахтел невысокий старый советский холодильник, вибрации которого заставили трястись прислоненный к нему платяной шкаф.

У меня в создании стал зарождаться какой-то неясный образ, который, не успев еще сформироваться в мысль, подтолкнул меня к этому шкафу и заставил резко открыть его дверцы. Нет, шкаф оказался пуст. Точнее, в нем никого не было. Зато на полках лежало не новое, но чистое постельное белье и полотенца, свитер и какие-то джинсы. В холодильнике стояла початая бутылка владимирской водки и трехлитровые банки с солеными огурцами. Отличная, между прочим, закуска. Главное, чтобы приготовлены были правильно. Чтобы были немного сладкими, в меру кислыми и, главное, хрустящими.

Обойдя помещение, я обнаружил сбоку от печки дверь в небольшой санузел. Квартиранта там тоже не было. Зато там дружно расположились чистенький унитаз и душевой поддон, окруженный розовой полиэтиленовой занавеской. На стене висел небольшой шкафчик с зеркалом, а под ним – раковина. С той стороны зеркала на меня посмотрел я сам с довольно глупым выражением лица.

Что уж говорить, подвал оказался довольно странным местом. Как будто специально приспособленным, чтобы скоротать в нем ночь-другую. Тут и перекусить можно и помыться, ну и, конечно, поспать. Правда, пространства здесь хватило бы, чтобы устроить хостел минимум человек на десять. И это, кстати, отличная идея! Можно попробовать замутить такой бизнес! А что, Владимир – центр Золотого кольца, столица Владимиро-Суздальского княжества! Туризм – перспективное направление...

Я уже было начал составлять бизнес-план, как вдруг вспомнил про квартиранта. Куда же он делся? Не мог же он в печную трубу вылезти или в окно. Дверь-то на улицу была заперта. А может?!

Опять неясный образ в моей голове заставил меня стремглав нестись наверх, в свою квартиру. Пока я туда добежал, в голове окончательно сформировалась мысль, что меня попросту надули, чтобы банально обнести квартиру. Но нет, обойдя свое жилище с поднятым, крепко сжатым и готовым на все кулаком, я никого там не обнаружил. Я предусмотрительно проверил шкафы, пространство под кроватью и за занавесками, в ванной комнате. Никого нет.

Я вышел в коридор, спустился вниз и проверил под лестницей – пусто. Только совок, веник и ведро. Заперев входную дверь, я снова направился в подвал. Там все по-прежнему: горит свет, никого нет, а на столе – два червонца. Подойдя к ним, я аккуратно взял их в руки. Они оказались не такими тяжелыми и не такими большими, как мне показалось на первый взгляд. Свидетели двух разных эпох. Налюбовавшись ими, я осторожно убрал их в карман и подвел итог.

Я – самый безответственный из всех возможных наследников теткиной квартиры. Мало того, что постоянно забываю выключать свет, так еще пускаю переночевать незнакомцев и не слежу за ними. Почесав голову, я понял, что, наверное, с этим уже ничего не поделаешь. Квартирант исчез таинственным образом. Но есть и положительные моменты. Во-первых, это бесценный опыт в управлении собственностью. Надо становиться более ответственным. Во-вторых, выяснилось, что подвал изолирован от соседей и попасть в него можно только по лестнице из моего подъезда. Или через зарешеченное окно, которое вело в соседний двор. В любом случае подвал имеет высокий потенциал с точки зрения гостиничного бизнеса. Размышлять об открывающихся передо мной возможностях я не стал. Слишком уж утомился. Пора возвращаться в квартиру, сварить пельменей и выпить еще грамм пятьдесят. Или сто.

Так я и сделал. По пути захватив из холодильника банку с огурцами и початую бутылку водки. Они, кстати, оказались бесподобными! Покушав, я завалился на диван и тут же уснул... Словно нырнул в купель... И снова этот безумный треск. Снова красные круги перед глазами и эта безжалостная дрель наматывает остатки сна. В этот раз просыпаться было легче. Голова не болела, тело не ломило, мысли были в порядке. Все бы было хорошо, если бы кто-то настойчиво не трезвонил в мою дверь. Кого на этот раз нелегкая принесла?

Я вскочил с дивана, проверил на месте ли мои золотые червонцы и уверенно направился вниз, с твердым намерением отказать кому бы там ни было в желании переночевать в моем подвале. Выйдя из квартиры, я вновь обнаружил, что свет на лестничной площадке горит. Да что же это такое! Сутки уже.

– Сейчас иду, – раздраженно крикнул я в сторону входной двери. Та, как будто дернулась от испуга, после чего звонок замолчал. Надо же, услышали... Спустившись, я с удовлетворением заметил, что дверь заперта. Ну хоть что-то...

– Кто там? – почему-то спросил я.

– Это я..., тетя э-э-э Мариша, – раздался немного неуверенный и тихий женский голос.

– Какая еще тетя Мариша? – строго спросил я, удивляясь, почему до сих пор не открыл дверь.

– Соседка Ваша. С соседнего двора. Мне Шура наказ дала.

– Какой наказ?.. – начал было я, а потом, спохватившись, открыл дверь.

На улице было еще светло. День все не кончался. Также пасмурно и также тепло. На пороге стояла невысокая старушка. В резиновых калошах, ситцевом платье, шерстяной кофте на пуговицах и в платочке. Все, как положено. Идеальный образ бабули. Немного, правда, сгорбленная.

– Здравствуйтесь, – сказал я.

– Ну, здравствуй, – ответила тетя Мариша, показав золотые зубы, – Шура мне про тебя рассказывала! Действительно – одно лицо... Ну что, пригласишь в дом, или в дверях стоять будем?

– А что Вы, собственно говоря, хотели? – начал было я, все еще подогретый боевым настроением.

– Говорю же, наказ у меня от Шуры. Рассказать мне кое-что тебе надо... Важное!

– Что именно?

– Ну не здесь же...

Ну да, – спохватился я, отступив в сторону и пропуская внутрь старушку, – ну раз важное, милости просим!

Старушка ловко и напористо протолкнулась между мной и дверным косяком и сразу же деловито стала подниматься на второй этаж. Похоже, что этот путь ей был очень хорошо знаком. Я пожал плечами. Мельком оглядел пустой двор, запер дверь и поплелся следом. С каждой ступенькой бодрая и поджарая спина тети Мариши вызывала у меня все большее и большее подозрение. Мне не нравился ее напор.

У входа в квартиру она остановилась, как бы пропуская меня вперед, но при этом внимательно осматривая коридор и лестницу. Что она высматривает? Не поломал ли я чего за эти пару дней?

– Заходите, – пригласил я без всякого энтузиазма, слегка толкнув дверь в квартиру. Та нехотя открылась, застенчиво обнажая скромную прихожую, – у меня тут немного не прибрано...

На самом деле квартира была практически в том же состоянии, как и вчера. Я же ей практически и не пользовался. Разве что на кухне небольшой беспорядок. Но это ведь нормально. Только мне вот почему-то начинало казаться, что тетя Мариша здесь не из-за визита вежливости, и вовсе не для передачи какого-то там наказа для меня, который на поверку окажется дежурным пожеланием, типа «цветы-то не забывай поливать». Бабуля вела себя как инспектор. Так Колесо, точнее, старший сержант Колесников в учебке проверял, как я привел в порядок территорию. Скрупулезно собирал мелкие недостатки, которые, в конце концов, превращались в один гигантский залет, лишавший меня возможности нормально поспать или отдохнуть. Вот и бабуля, вроде бы зашла что-то сказать, а сама будто оценивает, как я использую внезапно свалившееся на меня наследство. Достоин ли... Наверняка хочет взять меня под опеку, сесть на горб и ножки свесить, как говорил старший сержант Колесников.

– А свет в коридоре выключать не будешь? – как бы между делом доброжелательно спросила тетя Мариша.

Я внимательно посмотрел на нее. Намерения старушки были не ясны. То ли она действительно решила научить меня уму-разуму, то ли вправду переживает за экономию электричества. В любом случае, спускаться вниз, чтобы выключить свет и подниматься обратно в потемках мне не хотелось. Так мы глядели друг на друга с пару секунд. Поняв, что я ничего делать не собираюсь, старушка молча и, как мне показалось, демонстративно, развернулась и ткнула куда-то рукой, отчего свет в коридоре погас, а мы оказались в полумраке.

Ненавижу, когда так делают. Как будто ткнули носом. Тетя Мариша стремительно захватывала инициативу. А мне меньше всего на свете хотелось, чтобы меня кто-то опекал и поучал. Хватало матушки и сестры. Поэтому я решил поскорее покончить со всем этим и выпроводить старую перечницу восвояси. Нужно собраться, наконец, с мыслями и что-нибудь предпринять.

Но все-таки хорошо, что в коридоре оказался двойной выключатель – и вверху и внизу!

В общем, отбросив сомнения и без всяких экивоков, я первым шагнул в квартиру, на ходу разулся и не оборачиваясь проследовал напрямиком в кухню, где с удовольствием плюхнулся в самый центр дивана, не оставив тете Марише никаких шансов разговаривать со мной

снисходительно. Старушка тихо проследовала за мной и присела на самый краешек стула у окна. Я обратил внимание, что она не разулась. Вот наглость-то.

Мы молчали. Я ждал, а старушка разглядывала кухню. Сейчас начнется, думал я: «Пить это плохо, да разве можно вот так вот сразу, до чего квартиру довел, даже посуду не помыл...» Я глубоко вздохнул и начал:

– Так что Вы, собственно говоря...

– Всё в точности как при Шурочке осталось! – внезапно воскликнула тетя Мариша, перебив меня. – Как будто она до сих пор живая, как будто вышла куда на минуту...

После этих слов старушка ещё больше сморщилась, закрыла лицо большими морщинистыми ладонями и затряслась в спазмах безмолвного рыдания. Это выглядело так естественно и печально, что сбило весь мой боевой запал. Я даже растерялся немного, видя, как какая-то незнакомая мне бабка гораздо больше переживает о смерти тети Шуры, чем я сам – ее родной племянник. От этого ситуация из неприятной превратилась в неловкую.

Почему же здесь все так сложно, думал я, поднимаясь с дивана. Почему нельзя просто побухать пару дней, а потом все прибрать, решить вопрос с работой и жить как все хорошие люди? То какой-то бродяга ночует в подвале, а потом бесследно исчезает, то какая-то бабка разводит истерику. Неравен час, как сюда завалятся тринадцать гномов с волшебником и увлекут меня в какое-нибудь безумное путешествие. В общем, самое лучшее, что я в тот момент смог придумать, так это налить тете Марише стакан воды. Из-под крана.

Старушка, когда я неловко ткнул ее плечо стаканом, вдруг успокоилась, глубоко вздохнула, убрала руки от лица и, нахмурившись, неожиданно спросила:

– Водопроводная?

Меня удивил не столько этот вопрос, который своей внезапной обыденностью показался мне неуместным, сколько абсолютно невозмутимое лицо старушки. Без единой слезинки в ясных, не покрасневших глазах. Можно было подумать, что она выплакала всё раньше, когда была ещё молода, а сейчас рыдала сухими, как сама скорбь, глазами. А может она и не рыдала вовсе, а только прикидывалась. Чтoб завладеть инициативой. Все еще разыгрывает дебют. Хочет сбить меня нелепым вопросом.

– А что? – спросил я с вызовом, сделав вид, что оскорблен.

На самом деле местная водопроводная вода порядочно отдавала хлоркой и была невкусной. Я ее пить не мог. Это я понял еще в тот раз, когда мы останавливались у тетки перед армейкой. Врезалось в память. Привык к колодезной или ключевой. Ну в армии, конечно, пил всякую, но там выбора не было. А здесь родниковой воды нет. Можно было, конечно, из чайника налить. Там вроде бы нормальная вода была. Еще от тетки осталась. По крайней мере, я с утра чай пил и не заметил, что что-то не так. Но когда тетя Мариша разрыдалась, я как-то растерялся и не сообразил сразу. А тетя Мариша оказалась привередливой.

– Воняет шибко, – заявила старушка совершенно искренне.

– Да не очень-то уж и воняет, – начал упрямиться я.

– А кто это к тебе вчера приходил? – неожиданно переключила она тему.

Я сначала даже не понял, что она у меня спрашивает:

– В смысле?

– Кто, говорю, к тебе сюда приходил?

Ну все! Тетя Мариша перешла в наступление. Начало за ней. Сейчас будет меня разносить, если ее вовремя не пресечь.

– А это, между прочим, мое дело! – чуть громче и грубее чем надо заявил я, почувствовав, как краснеет моя шея. Так всегда происходит, когда нервничаю или завожусь. В армейке постоянно все ржали после обстрела или засады. Кто белый, кто зеленый от страха, а я красный. Как будто стесняюсь, что жив остался.

– В подвал пускал? – пропуская мой ответ мимо ушей, продолжила допрос тетя Мариша, которую, похоже, нисколько не смутил мой тон.

– Может и пускал, а что? И как Вы вообще об этом узнали?

– Запах учуяла чужой. Внизу ещё. У входа в подвал. На лестнице не так сильно, а в квартире его вообще нет.

Учуяла? Что это вообще значит? Как собака что ли? Такой ответ в очередной раз сбил весь мой воинственный запал.

– Что Вы сделали? – спросил я совершенно спокойно и даже сам удивился такой перемене в голосе.

– Я очень хорошо запахи слышу, – пояснила старушка, – может, конечно, и не так хорошо, как Шура. Но мне больше-то и не надо. И что этот твой квартирант, заплатил?

– В смысле? – слегка опешил я, не ожидая такого поворота событий. Что бабуля и запах золота чувствует? Хочет, чтоб я с ней поделился? Что ей вообще от меня надо? Уж не в сговоре ли она с ночным гостем?

– Оставил тебе золото?

– Послушайте, тетя Мариша, Вы зачем сюда пришли?

– Нет, ты сперва ответь...

– Это не Ваше дело! – грубо оборвал я ее.

– Значит, оставил. Один или два?

– Так, Вам, наверное, пора... Нам не о чем разговаривать.

– Значит, два! – старушка вытаращила глаза и театрально прикрыла ладонью рот.

– Ну что еще такое? – устало спросил я.

– А то, что он вернется!

– Ну а мне-то что? Вернется и вернется. Это мое дело.

– Так-то оно так, – вдруг согласилась тетя Мариша, – только вот обратно он может не один прийти!

– Это Вы меня пугаете что ли? – начал снова заводиться я.

– Господь с тобой, милый! – как-то очень естественно и искренне сказала она. – Не пугаю, а предостерегаю!

– Ну там видно будет. В армии чай, не только бляху чистил!

– Ты не понимаешь! Он оттуда может кого-нибудь вывести!

– Откуда «Оттуда»?

– Ты заслонку поставил?

– Какую заслонку?

– В печке. Горнило закрыл?

– Не помню, да какое это имеет значение?

– Послушай, Илья, – обратилась она ко мне вдруг по имени, – дело очень серьезное. Я тебе попозже все растолкую. Пойдем быстрее вниз, проверим, пока не поздно! Горнило нужно закрыть!

С этими словами старушка вскочила и довольно резво направилась к выходу. Ничего не понимая, я пошлепал за ней, незаметно прихватив с собой нож. На всякий случай. Вдруг весь этот спектакль – обычная ловушка?

– Одевай тапки! – бросила она мне и кивнула в сторону вешалки. – Так быстрее будет.

Я посмотрел в указанном ей направлении и увидел под вешалкой несколько пар синих резиновых тапок. Такие нам в армии выдавали. Я их два года таскал, с собой забрал и на дембеле так и не сносил. Они до сих пор живы. В рюкзаке у меня томятся. Только подошва тонюсенькой стала. Пока я вспоминал про тапкины приключения, тетя Мариша уже выскочила в коридор. Я быстро запрыгнул в тапки и последовал за ней.

Выйдя из квартиры, я увидел, что в коридоре уже горит свет, а бабуля на всех парах несется вниз. На первом этаже я ее догнал.

Дверь в подвал была прикрыта. Она внимательно осмотрела дверь, и я заметил, как расширяются и сужаются ее ноздри. Точно! Нюхает!

– Вроде бы успели, открывай! – крикнула она.

Я покачал головой, на всякий случай отставил правую ногу назад, сжал нож и левой рукой тихо толкнул дверь. Дверь открылась также легко, как и раньше, показав черное нутро подвала. За дверью никого не было.

Я стал спускаться первым, прислоняясь спиной к стене, чтобы одновременно иметь возможность наблюдать и за бабкой, и за лестницей. Включив свет на лестнице, я выдохнул. Никого. Я пошел вниз, а бабуля осталась наверху.

Спускаясь, я поймал себя на мысли, что оказался в довольно глупом положении. Мало того, что не совсем понятно, зачем я, абсолютно добровольно и в трезвом уме, лезу в подвал. Да еще и рискую быть здесь запертым. Хорошо, что в подвале есть окно, через которое можно выбраться наружу.

Спустившись вниз, я судорожно включил свет и снова выдохнул. В подвале никого не было.

– Тут никого! – крикнул я.

Бабуля ловко спустилась вниз и, не сказав мне ни слова, подошла к печке, несколько раз вдохнула, засунув голову в шесток, а затем взяла прислоненную изнутри заслонку и закрыла ей горнило. Распрямившись, она улыбнулась, показав между золотом один не в меру большой желто-коричневый зуб. Отвратительный клык.

«Какая все-таки мерзкая бабуля», – подумал я. Она же, отряхнув руки одну о другую, весело сказала:

– Ох, батюшки, успели. Пойдем теперь, милоч, я тебе все расскажу!

Новый слой краски

Признаться честно, я такой суматохи и неразберихи не встречал с учебки. К нам тогда новым замком роты пришел. Капитан Лапшин. Мы его между собой кептен-Джеком прозвали за его холеный внешний вид и безбашенность. Он с контузией был. Получил её еще в 90-х где-то в Абхазии. Поэтому, наверное, жутко эмоционально нестабильным был. Когда он в части находился, все вокруг превращалось в сплошную нервотрепку. Никто ничего не понимал, все бегали как умалишенные, точь-в-точь как тетя Мариша сейчас, и постоянно всем прилетало. Выйти на орбиту¹ было в порядке вещей.

Курс молодого бойца у нас в лесах проходил. А этот случай произошел перед самым моим переводом в часть. Нам поставили задачу, какой-то лесок зачистить. Зашли мы в лес, наш взвод занял позиции, а затем стал медленно продвигаться вперед. А Лапшин между взводами носится и дрючит всех почему зря. То слишком близко друг к другу идем, то слишком далеко, то быстро, то медленно, то не пригибаемся. В общем, нервяк в роте начался порядочный. А потом четвертый взвод почему-то оказался на наших позициях. Не целиком, а пара бойцов. Обходили какой-то завал. А тут Лапшин, откуда ни возьмись, появился. Увидел он их. И крышу у него сорвало окончательно. Он так орал матом. Я все детство матерился, а тут даже меня покорило. Кому-то врезал из бойцов. Я вообще подумал, что он сейчас их перестреляет. Реально причем испугался...

В такой вот обстановке мы несколько часов шли по лесу. Лапшин в итоге куда-то пропал, а путаница и жуткий нервяк остались. Время пролетело моментально. В итоге четвертый взвод выявил диверсантов и уничтожил их без потерь. А мы, услышав выстрелы, куда-то ломанулись и попали под пулемет. Я и передо мной пара бойцов погибли. Тогда-то я и сделал вывод, что в бою надо быть повнимательнее.

Вот и сейчас. Радость тети Мариши от закрытой заслонки я не разделил. Конечно, разрядка ее волнения была на лицо. Но общая ситуация оставалась непонятной и крайне нервнующей. Не хватало только капитана Лапшина, чтобы довести до точки кипения. Совершенно нерациональные действия новой гостьи подталкивали к двум выводам: либо она сумасшедшая, либо все это один извращенный план, придуманный с непонятной целью. Может быть, чтобы лишить меня только что обретенной собственности, или похитить имущество, например. Каких только мошеннических схем не бывает. В любом случае ухо надо держать востро! И старушку выпроводить из дома как можно быстрее!

Тетя Мариша спокойно стала подниматься обратно в квартиру. Проходя мимо входной двери, я еще раз ее проверил – заперта. Заглянул под лестницу – никого. В квартиру я заходил следом за старушкой и держал нож наготове. Мало ли ночной гость откуда-то вылезет. Версия, что они друг с другом в сговоре еще не отпала.

Но в квартире никого не оказалось. Я убрал опасный предмет подальше и уже было собрался сказать старушке, чтобы она выметалась из моей квартиры, как она вдруг вытащила откуда-то из-за пазухи конверт и протянула его мне.

– Вот, наказ! – деловито сообщила Мариша, – Шура велела передать, как только ты сюда въедешь.

Обычный конверт. Белый. Теплый. Без марки. Без рисунка. Без надписей. Заклеенный. Открываю, а там письмо от тети Шуры. На тетрадном листе в клетку, исписанном с обеих сторон. Я сразу узнал ее почерк. Она ведь мне в армию писала. А там я несколько раз перечитывал эти письма. Сохранил их и домой привез. Они меня сильно поддерживали первое время. Осо-

¹ Выйти на орбиту – получить несколько нарядов вне очереди в должности дневального по роте (армейское выражение)

бенно в учебке. Так что почерк ее я очень хорошо знаю. Мелкий, но разборчивый. С небольшим левым уклоном.

«Илья! Здравствуй!

Как жалко, что мы с тобой так мало общались. В этом, конечно, моя вина. Но, надеюсь, ты меня простишь. Я хотела как можно дольше оградить тебя от того знания, с которым ты в конце концов познакомишься, и которое навсегда изменит твою жизнь.

У тебя, наверное, будет очень много вопросов. Ответы на них могут показаться невероятными. Но, тем не менее, на некоторые я попытаюсь тебе ответить.

Итак, тебя должно быть волнует, почему я завещала свою квартиру именно тебе. Как бы это странно ни прозвучало, но такова твоя судьба. Точно также было и со мной.

Эта квартира перешла мне от прабабки. В ее бытность построили этот дом и выделили в нем нашу квартиру с подвалом и чердаком. Еще раньше тут стояла изба, которую прабабка получила в дар от своего прадеда, а тот от своего, который в свою очередь поставил её на месте избы, оставленной ему прадедом и так далее. В глубину веков.

Квартира эта – не просто жилище. Это, в первую очередь, место службы. Я заступила на нее очень давно и, если ты читаешь это письмо, значит она для меня уже, наконец-то закончилась. А для тебя началась!

Главное место в доме – печь. Она очень и очень древняя. Ей не одна сотня лет. Конечно, она за это время множество раз перестраивалась, меняла форму, размеры. Но суть ее осталась та же. Она позволяет сохранить свет и покой в этом мире!»

Вот и всё. Письмо прервалось неожиданно. Очевидно, что у него должно было быть и продолжение. Я повертел листок в руках, заглянул в конверт, посмотрел на тетю Маришу. Та, замерев, очень внимательно и серьезно смотрела на меня. Увидев, что я немного озадачен, сразу же оживилась:

– Что?

– Письмо, вроде как, неполное...

– Как, неполное? – удивилась она, взволнованно вскакивая с места.

– Не дописано. Оборвано или не хватает каких-то страниц.

Она подбежала ко мне, беспцеремонно вырвала у меня из рук листок и принялась читать. Я не стал возражать. Час от часу не легче. Что это могло бы значить? Ну, ясное дело, что письмо не полное. Но почему? Может быть, Шура забыла его дописать, или доложить. Ну или конверт вскрывали. Я внимательно его осмотрел. В детстве в кино я много раз видел, как вскрывают конверты: аккуратно сбоку отрывают одну сторону. Я всегда хотел попробовать повторить увиденное. И эта моя детская мечта осуществилась только в армии. Этот конверт я вскрывал так же. Испытывая при этом все то же детское удовольствие и волнение. В результате склейка конверта сохранилась. Она была ровная, и было не похоже, чтобы конверт подвергался какому-либо воздействию.

Значит, в конверт изначально было вложено неполное письмо. А сам он был запечатан либо теткой, либо кем-то другим. Но, судя по всему, не Маришей.

– Ничего не понимаю, – ахнула тетя Мариша, – тут же ничего толком и не рассказано! Не понимаю, мне Шура сама этот конверт передала. Уже запечатанный!

Ну, скорее всего, тетка его и заклеивала. Значит, либо по недосмотру не вложила продолжение письма, либо вообще его не написала. Может, у нее с головой не в порядке было перед кончиной. Кто его знает. Но с тем, что в письме ничего не написано, я согласиться не мог.

Во-первых, я еще раз убедился, что квартира предназначалась мне. Это уже хорошо. По крайней мере, это еще один положительный аргумент в рефлексии по поводу справедливости распределения теткиного наследства. Во-вторых, судя по всему, к квартире в придачу прилагаются и подвал, и чердак. Надо бы проверить документы. Если это так, то это вообще замечательная новость. Лишними помещения никогда не бывают. Ну и, наконец, в-третьих, у печки

во всей этой истории какая-то особая роль. Только вот какая. Может быть, печка как-то подпирает фундамент? И, если ее разобрать, дом может осесть или разрушиться. Кстати, версия выглядит вполне разумно. Надо будет по этому поводу с батей посоветоваться, он ведь как-никак – строитель. А может быть, в печке что-то спрятано? Какой-нибудь клад или семейная реликвия. Тоже как вариант отметить нельзя и еще раз внимательно ее осмотреть.

И еще, что значит теткина фраза, что дом – не просто жилище, а место службы? И что теперь это место моей службы? Какой именно службы? Но в любом случае, за службу положено платить. Я машинально нащупал в кармане два золотых червонца. И тут меня осенило. Наверное, тетка действительно сдавала подвал на ночлег! Причем, скорее всего, без регистрации! Что ж, отличный вариант заработка. Не пыльный. Опять же времени полно свободного!

Надо будет только все облагородить. Ремонтик кое-какой сделать. Новую красочку положить. Чтобы поприличней было. Можно будет даже официально всё оформить. Главное, всяких проходимцев, бродяг и бомжей не пускать. Сделать приличное заведение. Подумав об этом, я взглянул на тетю Маришу.

Она стояла у окна, прижав руки к груди, и смотрела куда-то вдаль.

– Ну так что? – спросил я ее. – Что тетя Шура мне хотела написать-то?

Тетя Мариша повернула голову. Лицо ее отражало скорбь. Она вздохнула, положила письмо на стол, пожала плечами и развела руки:

– Не могу сказать. Не знаю! А что знаю – не могу. Ты посмотри, может, она где-то оставила продолжение. Хотя на Шуру это не похоже. Но на всякий случай, поищи. А я лучше пойду...

С этими словами тетя Мариша, демонстрируя прежнюю решительность, двинулась к выходу, выскочила за дверь и спустилась вниз. Похоже, действительно сумасшедшая, подумал я, удивляясь такой неожиданной смене ее поведения. В дверях она остановилась, очень серьезно на меня посмотрела и сказала:

– Аккуратнее с гостями! В подвал абы кого не пускай. И смотри, чтобы горнило всегда закрыто было! Понял?

– Ладно-ладно, – отмахнулся я, чтобы поскорее спровадить ее из дома.

– Понял? – строго повторила она.

– Понял-понял...

Она продолжала внимательно смотреть на меня. Взгляд ее был осознанный, из-за чего я вдруг засомневался в своей оценке ее душевного состояния. Под этим взглядом мне даже показалось, что это ее предостережение действительно имеет какое-то рациональное объяснение и смысл. Я покорно кивнул головой и твердо сказал:

– Понял!

Услышав желаемый ответ, она резко отвернулась и, даже не попрощавшись, быстрыми семенящими шажками ретировалась. На улице уже смеркалось, отчего ее тонкий силуэт казался каким-то призрачным.

«Нет, все-таки, сумасшедшая!», – решил я и запер дверь.

Вечер я провел в поисках утраченных страниц письма и за изучением документации на квартиру. И, если первых я нигде так и не нашел, то документация была в полном порядке. Она хранилась в стенке, аккуратно уложенная в черную кожаную папку на грубой блестящей металлической молнии. Увидев, как серьезно тетя Шура относилась к документам, я вспомнил, что мне нужно сходить к нотариусу и написать заявление на вступление в права наследования. Завтра.

Помимо документов о праве собственности, в папке были и другие документы тети Шуры: аттестат об окончании школы, диплом об образовании, согласно которого тетка владела профессией библиотекаря. А еще пара советских грамот, отмечающих ее высокий вклад в раз-

витие библиотеки. Старый советский профсоюзный билет, заклеенный какими-то марками, пенсионная книжка и медицинский полис.

Вот так, вся жизнь человека уместилась в нескольких официальных документах и паре скупых записей в ЗАГСе, скупко повествующих о довольно скучном бытии Александры Федоровны Проводниковой. Интересно, какая тетка была на самом деле? Нудной библиотекарем, всю жизнь проторчавшей среди пыльных полок. Или все-таки рок-н-ролльщицей, слушающей по ночам Тома Вейтса, пьющей виски и поющей в каком-нибудь местном бэнде? Вполне могло быть и то, и другое. Надо будет все-таки досмотреть альбом с ее фотографиями.

Итак, согласно свидетельства на право собственности, я действительно наследовал не только квартиру, а всю половину дома, включая подвал и чердак. У моей части дома был даже свой номер – 7/1. Стильно. Еще в придачу ко всему шел кирпичный гараж, один из тех, что стеной отграничивали наш дворик от следующего. Что ж, тоже неплохо. Пока никакого транспорта у меня не было. Складировать в гараж было нечего. Но мало ли. К тому же всегда остается шанс продать этот гараж или сдать в аренду.

Уже темнело, и я решил, что изучу чердак и гараж завтра. А сегодня? А сегодня, пожалуй, еще разок схожу в подвал. В спокойной обстановке посмотрю что там, да как. Прикину, что надо подремонтировать, где подкрасить, чего добавить, чтобы устроить хостел. Потом приготовлю ужин, посмотрю телек и лягу спать. Ну, может, пропущу стаканчик. Чтоб снять напряжение. На том и порешил.

Откладывать не стал, убрал документы обратно в стенку, махнул стопку самогонки, закурил огурчиком, напялил синие тапки и пошел вниз. Как включать и выключать свет на лестнице я уже знал. Проходя мимо входной двери, убедился, что она заперта. Это принесло мне чувство удовлетворения. Все-таки уровень моей ответственности растет. Спасибо тете Марише, блин.

Спустившись в подвал, первым делом я решил осмотреть окно. В окне была установлена деревянная рама, выкрашенная темно-красной, почти коричневой краской. Несмотря на небольшие размеры, в проем через открытую фрамугу спокойно мог бы пролезть человек примерно моего телосложения. Или даже чуть крупнее, например, как ночной гость. Однако рама была заперта. К тому же снаружи в оконный проем была вделана грубая решетка из арматуры, также покрашенная в темно-красный цвет.

Я выглянул в окно. Оно располагалось практически на уровне земли. Хотя изнутри мне пришлось подтянуться, ухватившись за каменный выступ, где должен бы быть подоконник. Окошко, также как и в моей кухне, вело во двор другого дома. Дом был прямоугольный и вплотную примыкал к нашему, поэтому мне было видно только его дальнюю часть. Он, как и многие владимирские дома в исторической части города, был двухэтажным: первый этаж каменный, второй деревянный. Другая половина нашего дома тоже была такой, но моя пристройка оказалась целиком кирпичной.

В соседнем доме в окне на втором этаже горел свет. Окно было занавешено только тюлем, поэтому было видно большую часть комнаты. И девушку. Молоденькую. Лет 18–19. В светлой футболке, скрывающей не слишком примечательные формы. Она что-то делала у подоконника. Было похоже, что листает книгу, а может быть, как все в последнее время, смотрит в телефон.

Конечно, нехорошо подсматривать за другим человеком, особенно противоположного пола. Тем более такому уроду, как я. Со стороны это, наверное, вообще выглядело омерзительно. Повиснув на кончиках уже побелевших пальцев, натужно вытягивая вверх красную шею, не в силах побороть дрожь напряжения в руках. Но именно в этот момент я ощутил, как остро нуждаюсь в любви, и оторваться от зрелища не смог. Внезапно девушка подняла голову и взглянула прямоком в мою сторону. Я инстинктивно дернулся, отпустил пальцы и грохнулся на пол.

Было жутко неловко. Может быть, эта девушка и не увидела меня за занавеской. Но почему-то спину мою покрыла испарина. В полуприсядку, чтобы не было видно в окно, я добрался до кровати и сел, надеясь успокоить внезапно нахлынувшее на меня волнение.

Кровать, между прочим, была не мягкой, но и не жесткой. Самое то. В учебке, например, у меня была кровать с растянутыми пружинами. На нее ложишься и сразу же проваливаешься чуть ли не до пола. Как в гамаке. Спать на ней можно было только на спине. Первое время я из-за этого жутко не высыпался. Привык дома спать на животе. К тому же постоянно все эти подъемы, тревоги, наряды. Потом заместитель командира взвода, старший сержант Колесников, хоть и жуткой сволочью был (под стать Лапшину), посоветовал мне у старшины второй матрас взять, а когда тот не дал, сходил и сам договорился. С двумя матрасами пружины не так заметно проседали, и я даже приноровился спать на животе.

Переведа дух, я прикинул, что ничего страшного в этом происшествии нет. Ну и что, что смотрел в окно. Рассматривал раму. Я ведь и вправду с этой целью туда взгромоздился. А то, что пялился на девчонку, так это мог быть и мимолетный взгляд. И, кстати, если здесь делать хостел, придется окно поменять на пластиковый стеклопакет. А еще здесь запросто поместятся с каждой стороны по две двухэтажные койки. Восемь постояльцев можно без проблем разместить. Сделать перегородку, чтоб отделить спальные места от бытовой зоны. Правда естественного света не будет. Но можно поставить стеклянные двери на лестнице и входную. Плюс ламп побольше навесить – самое то. Хостел ведь нужен, чтоб перекантоваться и дальше по своим туристическим делам шараться.

Все эти самокопания и бизнес идеи заняли у меня минут десять. Наверное, можно уже и встать, подумал я. Хлопнув себя для уверенности по коленям, я поднялся и направился к противоположной кровати. При этом, как бы невзначай, мельком взглянул в окно. В окне напротив никого не было, хотя свет все еще горел.

Ну все, инцидент будем считать исчерпанным. Я продолжил инспекцию подвала. Вторая кровать оказалась не хуже первой. Я даже повалился на ней. Подушка была большой, тяжелой, пуховой, но очень удобной. Как в части перед дембелем, только новая.

Потом я осмотрел стол – его в принципе можно оставить. И скамьи тоже. Восемь человек тут как раз и поместятся, особенно если с обоих концов по стулу поставить. А то, что он из досок сколочен, так это даже хорошо. Вписывается в общий антураж, чего не скажешь о печи. Она тут явно не к месту.

Осмотрев печь, я не нашел ничего интересного. Печь, как печь. Опечье у нее кирпичное и уходит вниз. Насколько глубоко, не известно, но не исключено, что оно там каким-то образом смыкается с общим фундаментом дома. Я осмотрел все печурки, шесток, вьюшку. Ничего похожего на тайник не нашел. Тогда я решил заглянуть в горнило. Я осторожно снял заслонку, встал коленками на шесток, включил фонарик в телефоне и заглянул внутрь. В нос мне ударил резкий запах гари и сырости. Горнило все было в саже, поэтому видимость даже с фонариком была не ахти.

Порывшись рукой в слегка влажных углях, я убедился, что в горниле тоже ничего не спрятано. Я уже собрался было вылезать обратно, как вдруг вокруг меня раздался протяжный вой, местами переходящий в свист и гул. От неожиданности я ударился головой о свод и моментом вылетел из печки. В подвале все было тихо и спокойно. Я заглянул в печь, подсвечивая себе телефоном. Тоже все в порядке. Наверное, в трубе ветер завывает, решил я и, уже собрался было пойти мыть руки, как вдруг, вспомнил про заслонку. Ох уж эта тетя Мариша! Еще раз заглянув в горнило, я поставил заслонку на место.

Вымыв руки, я решил, что в санузле неплохо бы заменить плитку. А то нынешние голубые кафельные квадраты, покрывающие и пол, и стены, жутко напоминали лазарет в армейке.

Довольно много пространства в подвале было под лестницей. Там вполне могла бы уместиться маленькая кухонька и стиральная машина. Можно поставить электроплитку на две

конфорки, раковину. И, кстати, кухонный стол со скамьями при желании можно разместить напротив печи. А шкаф вынести к стене, где кровати. Вместо стола поставить пару диванов друг напротив друга и журнальный столик между ними. Куда-нибудь повесить телевизор. В общем, можно тут всё здорово оформить! И назвать хостел – «Нора». А что, отличное название. В тему и со вкусом.

Окинув взглядом на прощанье подвал, я вдруг вспомнил, что денег у меня на все эти задумки нет. Поэтому, в принципе, можно пока все оставить, как есть. Начать с имеющегося. Пусть пара человек пока будет жильцов. Им же и лучше – просторнее! Потом понемногу буду откладывать и постепенно делать ремонт, все облагораживать. В конце концов, Москва не сразу строилась. Позвенева в кармане золотыми червонцами, я решил, что можно было бы начать обустройство хостела с этого капитала.

И тут меня осенило! Ну, конечно!!! Это же и есть то сокровище, про которое упоминала тетка в письме! Наверное, где-то в печке все-таки был оборудован тайник с золотыми червонцами. И этот ночной гость, похоже, знал об этом. Поэтому напросился якобы переночевать. А сам вскрыл тайник и вытащил сокровище. А монетки эти просто забыл впопыхах. А что, вполне правдоподобная версия. Пусть и неприятная. Но она, по крайней мере, все объясняет. Теперь все становится на свои места.

Единственное, что сюда не вписывается – тетя Мариша. Ну она точно сумасшедшая. У бабки в деревне была одна такая. Таня-лиса ее звали. Постоянно у магазина стояла. И за каждым, кто проходил мимо, увязывалась и начинала рассказывать какую-то историю. С первого раза и не поймешь даже, что с ней что-то не так. Мало ли, одинокая женщина хочет поговорить. А она пройдет за тобой метров тридцать и отстанет на полуслове. Хотя, может быть, эта тетя Мариша мне пыталась что-то рассказать. Надо будет узнать, где она живет. Может быть, и мужик этот ее родственник. Сын там или, например, зять. Вот он у меня получит, когда я его найду!

Я в ярости сжал кулаки, выключил свет и направился в квартиру, твердо решив завтра обменять червонцы на рубли и начать новую жизнь. Это решение я подкрепил очередным стаканчиком дистиллята. Пусть вино заменит свежую кровь любви, которой мне так не хватает! Свой выбор я остановил на самогоне. К тому же тут и осталось-то всего полбутылки.

Поставив на проигрывателе Вейтса, я принялся чистить картошку. Я нарезал ее кружочками и засыпал в сковороду. Несколько картофелин я оставил на завтра – на суп. Мелко пошинковал лук, я вывалил его в сковороду сверху на шкворчащую картошечку. Потомив немного, я все это посолил, поперчил и перемешал.

Пока картошка жарилась, я перемыл посуду, нарезал сала и пропустил пару стопочек. Постепенно напряжение спадало. Жизнь снова казалась прекрасной. Даже если я не найду этого урода и не верну свои червонцы, все равно впереди отличные перспективы. Я молод. Пусть не красив, зато полон сил! Замучу бизнес, встану на ноги, помогу родителям!

Накрыл я на столике у дивана. Картошечка получилась румяная, аромат просто волшебный. Открыл банку с килькой в томате. Под самогон – отличнейшая закуска! Перекладывая кильку в тарелку не стал. Я всегда считал, что закусывать килькой надо именно так, вытаскивая ее прямо из жестянки. Рядом положил блюдце с салом, поставил бутылку и стопку и принялся за ужин.

Что ни говори, а хороший ужин способен превратить любой, даже самый скверный день, в сносный. Не знаю, как у других, но у меня так. После всех этих происшествий у меня сложилось впечатление, что я въехал в эту квартиру не вчера, а, по меньшей мере, неделю назад. Зато многое встало на свои места. Я тут освоился и никуда съезжать не собираюсь. Прошел своего рода крещение боем.

Покончив с ужином, я убрал со стола, вымыл посуду, заменил пластинку на Дорз – архив популярной музыки № 1 фирмы «Мелодия», и уселся обратно на диван с фотоальбомом.

Пролистав первые страницы с довоенными фотографиями, которые я уже видел, я принялся рассматривать черно-белые снимки с 60–80-х годов. Их было немного. Вот мои бабка с дедом, еще молодые. Вот тетя Шура – совсем девочка. Батя. Тетя Шура чуть постарше. Потом серия в каком-то парке с подружками. Наверное, студенческие годы. Когда она была моложе, то выглядела довольно симпатичной. С какой-то изюминкой. Несколько фотографий тети Шуры в библиотеке. Пара фотографий строгого мужчины средних лет, черноволосого в костюме. А вот свадебные фотографии. Оказывается, тетя Шура была замужем!!! Что же случилось? Где ее муж? И есть ли дети? В фотоальбоме на эти вопросы ответов не было. Зато я нашел парочку фотографий моих родителей молодыми, а еще наши детские фотографии. Причем, моих было больше всего.

И тут среди всех этих семейных фото мне попала одна цветная фотокарточка 9×12. Среди чуть более крупноформатных собратьев она даже несколько терялась. Как будто ее специально сделали поменьше, чтобы не привлекать внимания. На ней была запечатлена группа людей, позирующих на фоне какого-то здания. Тетя Шура стояла в первом ряду слева. Во втором ряду слева с самого края как будто нехотя из-за спины какого-то статного мужчины выглядывала тетя Мариша. Причем, похоже, за эти годы она вообще не поменялась. Все другие лица на фотографии мне были не знакомы. За исключением мужчины, стоявшего во втором ряду. С правого края, в противоположном от тети Мариши углу. Это, несомненно, был мой вчерашний ночной гость. Только без бороды. И заметно худее. Одет он был обычно: в черные джинсы и черную футболку. А на лице у него был шрам, пересекающий скулу и часть щеки почти от самого края левого глаза...

Шоколадный Иисус

Проснулся я под шоколадного Иисуса. Это звонила моя матушка. Отругала меня, что не отзвонился, как приехал. И на следующий день тоже. А они волнуются. Я извинился, сказал, что завертелся тут. Что разбираю вещи. Что всю ночь ко мне ломился какой-то бомж. Что целый день отмахивался от сумасшедших соседей. Что передали письмо от тети Шуры, а оно не законченное. Что мне, оказывается, принадлежит и подвал. Что я весь вечер вчера там порядок наводил. Что хочу там устроить хостел. Что хостел – это такая гостиница по типу общежития. Что у меня всё хорошо. Что люблю. Помню. И обязательно позвоню.

Потом я повесил трубку и какое-то время лежал на кровати, собираясь с мыслями. Сегодня предстояло много дел: надо было обменять червонцы, зарегистрировать бизнес, посетить нотариуса, разместить рекламу, купить кое-чего для хостела – тапочек там мягких, полотенец, посуды нормальной. Еще стоит изучить чердак и гараж. Да, планы получились грандиозные и, признаюсь честно, пугали.

Конечно, в первую очередь хотелось исследовать гараж и чердак. Для этого не надо никуда ехать, с кем-то разговаривать и о чем-то просить. Плюс, это занятие куда привлекательнее, чем сидеть в какой-нибудь конторе и заполнять бумаги. На чердаке, а тем более в гараже может оказаться что-нибудь интересное. В то же время я понимал, что надо себя перебороть, иначе так и буду искать повод отложить важные дела. Пора бы уже учиться взрослой жизни.

С этими мыслями я вылез из-под одеяла и вдруг понял, что ужасно хочется пить. Воды. Похмелья как такового у меня не было, голова не болела. Самогонка, похоже, была хорошей. К тому же, я ее вчера так и не допил. Но жажда мучала невероятно. Во рту все пересохло. Но самое неприятное во всей этой ситуации было отсутствие нормальной питьевой воды.

Чайник я еще вчера вечером весь израсходовал. Из-под крана воду пить невозможно. И тут я вспомнил про пиво. Я же позавчера, перед самым заселением купил полторашку лакинского. Ну отпил там немного, но потом хорошенько закрутил пробку. Выдохнуться оно не должно. Стоит себе в холодильнике, меня дожидается. Холодное такое.

Не долго думая, я поплелся на кухню. Кухня была чисто убрана. Я вчера постарался. Посуду вымыл и все убрал по местам. Тетя Шура бы одобрила. Конечно, не пиво с утра, а то, что я становлюсь более ответственным. А употребляю второе утро подряд – это прямая дорога в запой. Но деваться-то некуда. Тем более пиво – это не самогон. Немного выпить, чтоб жажду утолить, не страшно. Говорят, в Молдавии вместо воды целый день вино хлещут. И ничего. Никто не говорит, что молдаване – алкаши.

Открыв холодильник, я внимательно его осмотрел – довольно убогое зрелище. Почти пустая бутылка с самогоном, початая бутылка пива, полбанки соленых огурцов, кольцо домашней колбасы, а в отделе для овощей – картошка. Еще я знал, что в морозилке лежат сало и полпачки пельменей. Сразу видно, что холодильник одинокого мужика. Причем любящего выпить бездельника. Это надо исправлять. Мой холодильник должен принадлежать уверенному молодому бизнесмену.

Поразмыслить о том, чем таким можно было бы заполнить холодильник, чтобы увеличить его респектабельность, было, конечно, интересно. Но пить хотелось сильнее. Взяв бутылку, даже не закрывая холодильник, я прямо из горлышка стал вливать в себя живительную жидкость. Мягкую, холодную, с небольшой горчинкой и запахом хлебной корочки. Глотки были глубокие и громкие.

Выпив не меньше половины, я поставил бутылку на место, прикрыл холодильник и уже было собрался пойти к плите готовить завтрак, как почувствовал, что пиво меня накрыло. Меня слегка повело, ноги подкосились, и я как-то совершенно естественно изменил траекторию движения, оказавшись на диване. Посидев пару минут с абсолютно пустой головой, я вдруг

осознал, что завтракать мне совершенно нечем. Чай не заваришь. Даже с пакетика. Воды нет. Яичницу не сделаешь – яиц нет. Омлет, соответственно, тоже. Даже бутерброд – хлеба-то нет! Конечно, можно сварить кашу. Есть молоко в тетрапаках. Но я этого никогда не делал и не хотел экспериментировать. Просто так молоко пить я не люблю. Мне от него плохо становится. Оставалось одно.

Я вернулся к холодильнику, достал колбасы, отрезал порядочный кусок и съел ее вприкуску с оставшимся пивом. Что и говорить, это был один из вкуснейших завтраков в моей жизни. По крайней мере, мне так показалось. Потом я ещё полежал немного на диване. Не меньше получаса. Накрыло меня – будь здоров. Когда смог снова взять себя в руки, умылся, почистил зубы, оделся и был готов покорять мир. Ну, или хотя бы Владимир.

Выйдя на улицу, я обнаружил, что Иисус сегодня меня любит не больше других. Шел дождь. Мелкий. Навязчивый. Противный. Но я был преисполнен решимости, поэтому, получше запахнув свою косуху, невзирая на непогоду, направился напрямик на автобусную остановку, демонстративно шлепая своими армейскими берцами по мелким лужам.

Чтобы доехать до налоговой инспекции, мне пришлось идти не на ближайшую остановку, а совершить переход по старым владимирским улочкам, как нельзя лучше гармонирующим со скверной погодой своим слегка запущенным, немного тусклым и при этом строгим видом.

Некоторые дома откровенно грустили под грузом лет, заваливаясь то в одну, то в другую сторону. Их окружало буйство растительности – огромные раскидистые деревья, высокая трава, заросли кустарников. Отдельные здания были великолепно отреставрированы, и рядом с ними казалось, что ты попал в мир раскрашенных открыток XIX века. Но затем встречались дома, которые хозяева отремонтировали своими силами. Без должного согласования с соответствующими структурами. Без помощи специализированных организаций и строительного подряда. И ощущение величия прошлых веков сменялось безвкусицей эклектики. К таким домам в совершенно неожиданных местах были прикручены листы разноцветного оргалита, изображавшего навесы и терраски. Где-то стены были облеплены невыносимо тусклым или наоборот ядовито ярким пластиковым сайдингом. Некоторые дома потеряли наличники и бесстыже светили исподним пластиковых окон. Парочка зданий, не желая подобной участи, бросила свои веками и десятилетиями насиженные места и куда-то умчалась, оставив грубые заборы из металлического профнастила, груды камней, досок и какого-то тряпья. В таких местах дождь как будто усиливался.

Довольно быстро я дотопал до остановки. Для этого мне понадобилась помощь всего одного прохожего и пятнадцать минут времени. Тем не менее, я изрядно промок, чувствовал себя как какой-то неудачливый коммивояжер, и почему-то мечтал о виски. О виски с шоколадом.

До налоговой я добрался на троллейбусе. От остановки было недалеко. Очередь была небольшая. Но даже это ни сколько не утешало. Чиновник меня внимательно выслушал, сказал, что идея с хостелом перспективная. Еще сказал, что, конечно, придется много потрудиться, получить разрешения в разных структурах, все обустроить в соответствии с требованиями, заплатить государственную пошлину. Но, когда речь зашла о документах, от регистрации предпринимательства мне пришлось отказаться. В моих основных фондах не значился теткин дом. Я ведь еще не вступил в права наследования!

Я отправился к нотариусу. Для этого мне пришлось ехать обратно в центр. Идти пешком под дождём. Отсидеть очередь. А все для того, чтобы узнать, что до момента вступления в права наследования надо ждать полгода, а потом еще зарегистрировать собственность. Похоже, бизнес-планы придется отложить до следующего года. Мой персональный шоколадный Иисус окончательно растаял и перестал меня спасать.

Что еще? Нужно обменять червонцы. Для начала я пошел в банк. Я слышал, что банки принимают золотые монеты. Может оно и так, но ведь и налоговые регистрируют предприни-

мательство, а нотариусы оформляют право на наследство. Поэтому до конца в успехе своего начинания я был уже не уверен. Но попробовать все же стоит.

Чтобы добраться до банка, мне пришлось воспользоваться помощью двух прохожих и потратить десять минут. Под дождем. Отделение банка было очень тесное и насквозь пропитанное офисным безразличием, так же как вестибюль и кабинет в офисе нотариуса, а до этого коридоры и кабинеты налоговой инспекции. Серая холодная плитка, светло-желтые покрашенные стены со стендами, белый навесной потолок с лампами искусственного света.

В банке я взял талон. Так же как в налоговой. Отсидел очередь. А потом. О, чудо! Я прошел к окну к очень милой девушке, и она волшебным образом решила проблему с выкупом червонца с сеятелем. За него мне дали целую кучу бумажных рублей. Я такой суммы с дембеля в руках не держал. Я даже глазам своим не поверил. Рассчитывал раза в четыре меньше получить. С учетом моей пенсии и теткиных запасов эти деньги запросто можно растянуть на полгода. За это время я спокойно найду подработку какую-нибудь, а там уже оформлю наследство, зарегистрируюсь предпринимателем и заживу!!!

По второму червонцу сказали, что он не является инвестиционной монетой, и посоветовали сходить в ломбард или антикварный магазин. Я решил не заморачиваться и отложить этот вопрос на черный день. Я прикинул, что он должен стоить не меньше, а то и больше. Все-таки еще царский. Это будет моей заначкой. Мало ли что... Опять же, может быть, понадобятся средства на ремонт подвала и закупку мебели. Надо все обдумать, подсчитать составить смету.

Полученные деньги я засунул поглубже в передний карман моих джинсов. Чтобы не потерять. И довольный вышел на улицу. Дождя не было. Похоже, Иисус перестал на меня злиться. Надо будет зайти в церковь. Свечку за тетю Шуру поставить. Ну и так... помолиться...

А сейчас пора домой. Обедать. В центре города я более-менее ориентировался. Да тут, на самом деле, особого ума и не надо. Все квадратное. Главное знать, в каком направлении моя квартира. А она – на восток от Золотых ворот. В общем, сунув руки в карманы косухи, я вальяжно и неспеша направился домой. Все от меня зависящее я сделал, повзрослел, набрался опыта. Поэтому можно смело отдохнуть!

По пути я купил мороженого. Заглянул в пару магазинов. Так, ради общего развития. Приценился. В одном из них рекламный проспект, стилизованный под агитационный плакат времен Великой Отечественной войны, поинтересовался, а звонил ли я родителям. Я позвонил мамушке, которой обрисовал всю ситуацию с нотариусом, разумеется, умолчав про налоговую и червонцы. Не из жадности, а чтобы меньше переживала. И меньше лезла в мои дела. Пришлось сказать, что нашел кое-какую шабашку и что в деньгах пока не нуждаюсь. Это, в общем-то, правда.

– Ну, Слава Богу! – с явным облегчением сказала мама. – Ты когда к нам приедешь-то? Вовка скучает!

– Приеду, – неопределенно пообещал я, – может, на следующей неделе. Вове какой-нибудь подарок привезу.

В общем, мама осталась довольна нашим разговором. А я – собой. Единственное, что меня напрягало, этот пацан. Лет семнадцати. Не больше. Худой. В черной бейсболке, джинсах и серой толстовке с капюшоном, натянутым на голову. Я заметил, что он как будто бы следит за мной.

Я такие вещи на раз просекаю. Это у меня с армейки. С того самого раза, когда меня пулеметчик скосил на курсе молодого бойца. Я потом старался, как можно более внимательным быть. Даже какая-то чуйка развилась. Уже потом, на войне, во время зачисток я пару раз засаду просекал. Даже не могу объяснить как. Но командир ко мне всегда прислушивался. Как увидит, что я приседаю и начинаю по сторонам головой крутить как болванчик, значит чего-то почуюл. Он сразу взвод тормозит и спецов вызывает. А мы уже на прикрытии. Засядем и ждем, когда стрельба закончится. Ну иногда и сами для профформы постреляем.

А один раз я смертника метров за сто заметил. Почувствовал, что не просто человек к нам идет. Мы тогда с ОМОНОм на блок-посту стояли. В усиление. В общем, вовремя среагировали. Все живы остались. Командир потом у местных полбарана купил и шашлыком нас угощал. В благодарность. Вот мы тогда с ребятами наелись до отвала! А уж старшину Соцкова, когда он выходил кого-нибудь в наряд ловить, я вообще на раз-два вычислял.

Вот и сейчас почувствовал, что за мной хвост. Я обратил на него внимание в магазине техники. Потом – в магазине одежды. С этого момента я и стал внимательно наблюдать за пацаном. Через отражения в витринах, в окнах троллейбуса, остановившегося на красный. Через прилавки и окна магазинов, куда заходил. Через мелкие трюки, наподобие внезапных остановок, чтобы завязать шнурок или, повернувшись, посмотреть на упругую попку проходящей мимо красавицы.

Сомнений не было. За мной следят. Стоит сказать, что пацан был довольно ушлый. Он не просто плелся за мной по улице. Он то отставал метров на тридцать, то приближался чуть ли не вплотную. Иногда переходил на другую сторону улицы. Кто он и что ему надо, я не знал. У меня было две версии. Либо его подослал мой ночной гость, либо кто-то отследил, как я получил в банке крупную сумму денег, и хочет меня банально ограбить.

В любом случае это представляло опасность. И сдаваться я не собирался. Не затем я приехал во Владимир и сегодня целый день пытаюсь наладить свою жизнь, вырваться из этой трясины нищеты и бесперспективняка, чтобы профукать все в результате грабежа.

Единственное, чему научил меня капитан Лапшин – действовать решительно. Но осторожно. Так я и поступил. До моего дома оставалось совсем немного. Я прикинул, что если устраивать засаду, то лучше всего это сделать или в арке моего дома, или во дворе. Там тихо и никого нет. По крайней мере, за два дня я не увидел никого из своих соседей по дому. Подождать, как я зайду, навалиться толпой и, воспользовавшись неожиданностью, повалить на землю или там, например, оглушить.

Надо было действовать на упреждение. Все зависит от того, сколько человек. Если двое – тот, что следит и кто-нибудь в засаде, ещё сдюжу. А если трое или четверо, то шансов маловато. Тут лучше убежать.

Я уже свернул на свою улочку. Тут незаметно убедиться, что за мной все еще следят, я уже не мог. Поэтому решил испытать удачу. По пути была пара домов с арками, как и у нас, ведущими во двор. Я зашел в первую попавшуюся арку, быстро прошел ее насквозь, встал за правый угол и стал ждать. Спустя буквально минуту послышались легкие шаги. Без сомнения пацан. Шаги остановились у арки, а потом направились ко мне. Я весь сжался, приготовившись к атаке. Вот и пацан. Он вошел во двор, посмотрев сначала налево. Как положено на проезжей части. Поэтому меня не заметил. Я в два шага оказался рядом с ним, схватил за правую руку и развернул к себе, замахиваясь для удара.

– Ты кто такой? – с угрозой прошипел я.

– Так и знала! – раздался из-под козырька бейсболки девчачий голос. – Значит, сам подсматривать любишь, а когда за тобой – бесишься?

Я так и сел от неожиданности. Это был не пацан, а девка. И не просто девка, а моя соседка, на которую я вчера пялился из подвала. И как это понимать? А главное, что теперь делать?

– И что ты теперь будешь делать? – с насмешкой поинтересовалась она, как будто прочитав мои мысли.

– И как всё это понимать? – почему-то спросил я.

– А что тут понимать? – еще более задорным голосом спросила она, скидывая с себя капюшон. – Увидела, как мой сосед-извращенец по городу гуляет. Ну, думаю, надо за ним последить, пока он кого-нибудь не насильничал.

– Никакой я не извращенец! – сказал я с легкой обидой.

– Тогда почему все еще держишь меня за руку?

– Извини, – смутился я и отпустил ее руку, – я думал, ты парень...

– Значит, ты по мальчикам специализируешься? – засмеялась она.

– Слушай, заканчивай, – чувствуя, что оказался в глупом положении, я начал выходить из себя, – я думал ты грабитель!

– Грабитель! – рассмеялась она. – Да ты себя видел? За километр несет колхозом! Да тебе любой грабитель сам денег даст!

– Ладно, мне пора, – зло ответил я. Не люблю, когда надо мной смеются.

– Ну, стой, – театрально заканючила она, состроив смешную гримасу и ухватив меня за руку, – подожди меня!

И она увязалась за мной с видом, как будто мы самые близкие на свете друзья. Звали ее Катя. Или, как она сама себя называла, Кэт.

– Илья, – сказала она, пробуя на вкус мое имя, – как печально. Даже ничего не придумаешь. Не самолетом же тебя называть!

– Можешь называть меня Томом.

– Как кота? А мы будем Кэт-Том?

– Нет, как Вейтса.

– А это еще кто?

– Музыкант один. Американский.

– Может у тебя и записи его есть?

– Есть дома. Пара его пластинок.

– У тебя есть проигрыватель?!!

– Угу...

– Тогда мы идем к тебе, музыку слушать! Чаем меня напоишь! В качестве извинения за свои извращенские повадки!

– Слушай, не собирался я за тобой подсматривать. Это случайно вышло. Я просто полез оконную раму осмотреть...

– Ладно-ладно, верю и прощаю! Чай-то у тебя есть?

Чай-то у меня был. А вот заварить его я не мог. Не было воды. Да и к чаю ничего не было. Вообще, если честно, я хотел побыть один, все обдумать, душ принять. Но, с другой стороны, надо же новыми знакомствами обзаводиться. К тому же Кэт мне понравилась. Своей какой-то легкостью и открытостью. А еще она была симпатичной. Не чета мне. Русые волосы, забранные в хвост, чтобы можно было надеть бейсболку. Выразительные голубые глаза, смотрящие пронзительно и задорно. Нос чуть курносый, как будто насмехается над окружающей серостью. Зубы ровные, белые. Готовые откусить порядочный кусок жизни. Осанка прямая. Ноги стройные. Толстовка мешала составить более полное представление. А еще мне нравился ее стиль. Немного пацанский. Разбитной. Значит не манерная.

В общем, я так ей и сказал. Что нужно сходить в магазин. Купить воду, чего-нибудь к чаю.

– И что-нибудь пожевать! – поддержала она меня. – А то уже обед. А борьба со злом, знаешь, сколько сил отнимает!

– И часто ты так со злом борешься? – спросил я, втягиваясь в ее игру.

– Да каждый день, – обыденно ответила она.

– А позавчера за кем следила?

– Фу, какой ты примитивный, – воскликнула она, – в моем арсенале много всяких приемчиков! Доносы, разоблачения, моральное уничтожение!

Затарились мы в ближайшем супермаркете. Купили две пятилитровых бутылки воды, каких-то плюшек с повидлом, десяток яиц, бутылку молока, бутылку тархуна, майонез, буханку черного хлеба, палку колбасы и пачкупельменей. И на сегодня, и на завтрак. Чтобы не заморачиваться с готовкой. Платил, разумеется, я. Надо отдать Кэт должное. Она не выманивала у

меня каких-нибудь вкусняшек. Подошла к покупкам очень практично. Обратно мы шли мимо монастыря.

– Здесь, кстати говоря, есть святой источник. Можно бесплатно воду набрать. Она вкуснее. Я лично, сюда хожу.

Я посмотрел на монастырские стены, из-за которых застенчиво и в то же время радостно выглядывал купол с крестом. Хотелось что-то сказать, о чем-то подумать, но стало как-то неловко, и я, ни слова не сказав, прошел мимо.

Подходя к дому, я все-таки немного напрягся. Мало ли что. Вдруг засада. Я же эту Кэт толком и не знаю. Может она меня за нос водит и отвлекает внимание. Но все обошлось. Во дворе никого не было и мы без приключений дошли до двери в мою часть дома.

Кэт искренне всем восхищалась. И это было понятно. Квартира-то крутая. Обстановка, может быть, не очень богатая, да и ремонт так себе, но это только придавало ей определенного шарма! Девушка бегала из угла в угол и не уставала от восторга. То камин, то проигрыватель, то диван, то спальная комната. Все это выглядело очень искренне.

– Значит, тебе всё это от тети Шуры досталось? – спросила она, наконец остановившись и плюхнувшись на диван.

– Ага, – ответил я, наливая воды в чайник, – а ты ее знала?

– Ну так, здравствуйте, до свидания. Знала, что живет здесь и что одинокая. Вот и всё!

– А тетю Маришу знаешь?

– Какую тетю Маришу?

– Подружка её, тоже где-то здесь живет.

– В наших домах никаких Мариш не живет. И что это вообще за имя такое?

– Не знаю, так она мне представилась.

– Нет, никаких тетей, – ни Маш, ни Марин, ни тем более Мариш. И Шуру твою я никогда с подружками не видела. Разве что со старостой вашей. Тетей Верой.

Вот так да, удивился я, наливая воду дляпельменей в кастрюлю. Зачем это, интересно, тете Марише говорить, что она соседка. Опять обман. Опять начинает закручиваться спираль неразрешенных вопросов. Похоже, обманула меня бабка. И имя, действительно, какое-то дурацкое. Не здешнее.

– Может тебе помочь, приготовить чего-нибудь? – спросила вдруг Кэт.

– Да не надо, можешь пока найти пластинку Тома Вейтса, – ответил я, определяя кастрюлю на газовую плиту и зажигая огонь.

Кэт встала перед стенкой на коленки и принялась с интересом рассматривать коллекцию пластинок, откладывая некоторые из них в сторону. Я в это время сервировал стол, если это можно так назвать. Выставил чашки с ложечками, тарелки, выложил вилки. Поставил стаканы под лимонад, который благоразумно убрал в морозилку. В корзинку для хлеба выложил плюшки. Выставил на стол пакетик с майонезом и перечницу. Не хватало только вазочки с каким-нибудь чертополохом, и можно этот обед признать одним из самых странных свиданий этого года.

Наконец Кэт дошла до пластинки с Вейтсом и попросила немедленно ее поставить. А я только и рад. Я ведь эту пластинку с призыва не слушал. Ну, альбом-то я, ясное дело, закрутил до дыр. Но тут другое. Та самая пластинка. Со скрипами. Когда она начала играть, я даже невольно замер, боясь нарушить атмосферу. Кэт тоже молчала, внимательно вслушиваясь в грохот черных костей. Вторая песня ей понравилась больше.

– А это всё твои пластинки? – внезапно спросила она.

– Теперь да, – ответил я, – а раньше теткины были.

– Фига себе, она у тебя продвинутая была! – восхищенно воскликнула Кэт. – Тут очень много вещей, которые я хотела бы послушать. Именно на пластинках! Ты разрешишь мне иногда к тебе заглядывать? А я тебе за это разрешу за мной в окно подглядывать!

– Ну я же просил! – скорее для приличия, укорил я ее.

– Все, молчу-молчу! – рассмеялась она, поднимая вверх руки, изображая, что сдаётся. –

А если серьезно?

– Почему бы и нет, – ответил я, – будет с кем поговорить.

– А у тебя чего же друзей нет? – удивилась она.

– Почему, есть... Но во Владимире нет. Я сюда из Судогды совсем недавно переехал.

После того, как тетка квартиру мне оставила.

– Я же говорю, что колхоз за километр видно, – снова засмеялась она, но увидев мой неодобрительный взгляд, сразу же сменила тему, – у тебя вода закипела.

Закинувпельменей, я посолил варево, добавил туда листок лаврушки и пол-луковицы. Мне вообще-то не очень нравится вареный рук. Если честно, я даже терпеть его не могу! Но, если без него пельмени сварить, будет уже не то. Исчезнет пикантность что ли.

Чай я заварил в большой керамический чайник. Его хватит точно до конца дня. У тетки в шкафу я нашел банку с шиповником и бросил в заварку пригорошню ягод. Нам в армии чай из шиповника давали, когда я на реабилитации после командировки был. Выставляли заваренный чайник, сколько хочешь, наливай и пей. Он почему-то мало кому нравился, а я каждый обед по два стакана выпивал. С тех пор какая-то ностальгия. Хорошее было время. Две недели – никаких забот. Спишь, ешь, гуляешь.

Перед тем как сесть за стол, Кэт потребовала сменить пластинку. По ее мнению, Том Вейтс не очень подходил под обстановку. Я с ней согласился. Но не потому, что Вейтс нагоняет тоску и портит аппетит, а потому, что пельмени убивают всё то волшебство, которое появляется из-под алмазной иглы.

Мы поставили Стиви Уандера. Кэт понравились его очки на обложке. Не сказать, что его музыка лучше подходила к нашему обеду, но романтики точно прибавилось. Кэт всячески старалась разрушить это ощущение, неистово за обе щеки уплетая пельмени. Довольно зверский аппетит для такой хрупкой девушки. Не менее вдохновенно она ела плюшки, громко сёрбая чай. Управилась с обедом она чуть ли не быстрее, чем я. А я, между прочим, темп потребления пищи после армейки не снижал! Если бы в завершении обеда она громко рыгнула и вытерла рукавом губы, это бы выглядело в лучших традициях жанра. По крайней мере, я бы не удивился. Но и не обрадовался бы. Однако вместо этого она благодарно улыбнулась, вскочила, быстро вымыла за собой посуду и ушла. Иисус опять от меня отвернулся.

Надеюсь, что не влюблюсь в тебя

Проснулся я свежим и отдохнувшим. Настроение было прекрасное. Никаких забот и дел. Хотя нет, дело было – надо было ознакомиться с чердаком и гаражом. Но это было жутко интересно, поэтому воспринималось как приятное приключение.

Средства для нормального без излишеств существования у меня были. Я вчера все посчитал и провел ревизию теткиных продуктов. В диване я устроил небольшой уголок, где заначил полный комплект пропитания недели на две. Неприкосновенный запас. Там было все – и гущенное молоко, и молоко в тетрапаках, и тушенка, и рыбные консервы, и крупа, и макароны, и консервированные овощи, и сахар. Это я так, продолжая теткину традицию. И вообще мне нравился такой апокалиптический набор. Он внушал какую-то уверенность.

По остальным продуктам я составил список и повесил его на холодильник. Эти продукты я решил съесть. По прикидкам до неприкосновенного запаса на этих продуктах я спокойно мог протянуть три с половиной месяца. Понятно, что различные продукты были непропорциональны друг другу по количеству. Например, круп было почти втрое больше макарон. Тех и других было заметно больше, чем мясных и рыбных консервов. Из чего было понятно, что тетка или постилась, или просто ела мало мяса. В общем, какие-то продукты неизбежно кончатся раньше, и их придется докупать. Но в любом случае, с учетом вырученных вчера денег, за минусом коммунальных затрат (сумму которых я примерно прикинул по оставшимся квитанциям), я мог месяцев восемь жить и особо не тужить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.